ИЗЪ ПРОШЛАГО САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Записки стараго помѣщика).

Верстахъ въ 40-ка отъ Саратова и понынѣ существуетъ небольшая деревня Быковка, носящая свое названіе отъ одной изъ старѣйшихъ дворянскихъ фамилій Саратовской губерніи Быковыхъ. Фамилія эта уже теперь исчезла, но, во время нашествія Пугачева, Быковы владѣли большими помѣстьями, и на долю Ѳедора Артамоновича выпала горькая участь перенести ужасы и несчастья Пугачевскаго погрома.

Пугачевъ, слѣдуя къ Саратову, расположился съ своей вольницей въ помѣстьяхъ Быкова, и такъ какъ двое взрослыхъ сыновей Ѳедора Артамоновича отказались принести ему присягу, то онъ и казнилъ ихъ, привязавъ къ столбамъ и размозживъ головы осью отъ телѣги. Ѳедоръ же Артамоновичъ былъ спрятанъ въ погребѣ подъ опрокинутую капустную колоду крестьянами, которые его очень любили. Когда Пугачевъ, разыскивая его, спустился въ погребъ, то староста, ставъ на эту колоду и какъ-бы удивляясь, куда могъ скрыться помѣщикъ его, совѣтовалъ пугачевцамъ хорошенько осмотрѣть всѣ находившіеся тамъ кадки. Послѣ тщетныхъ розысковъ Пугачевъ направился въ помѣщичій домъ, гдѣ и засталъ, сидѣвшую у окна жену Быкова Наталью Ивановну съ грудной дѣвочкой на рукахъ. Измученная зрѣлищемъ казни своихъ сыновей и предполагая, что мужъ тоже убитъ, она, увидѣвъ его, сказала:

— Ну, что злодѣй, убилъ дѣтей моихъ, убилъ мужа, такъ убей и меня.

Пугачевъ въ ярости выхватилъ ножъ изъ-за пояса и ударилъ имъ въ грудь Наталью Ивановну, но вдругъ къ его страшному ужасу конецъ ножа сломался, не причинивъ ей никакого вреда, и онъ, оторопѣвъ отъ

этого чуда, снялъ съ себя шапку, началъ креститься на висѣвшія въ углу комнаты иконы, а затѣмъ, не сказавъ ни слова, бросился изъ дома къ своему обозу, досталъ серебряные чайникъ и дѣтскій рожокъ и, вернувшись снова къ Быковой, положилъ эти вещи въ рученки грудной дѣвочки.

— Прости Христа ради, сказалъ онъ и, поспѣшно собравъ свою вольницу, двинулся дальше къ Саратову.

Чудеснымъ спасеніемъ своей жизни Наталья Ивановна была обязана небольшому старинному образочку Казанской Божіей Матери, написанному на прочной металлической пластинкѣ, который составлялъ фамильную святыню, и Ѳедоръ Артамоновичъ, бывъ ранѣе въ военной службѣ, никогда съ нимъ не разставался, почему Наталья Ивановна въ моментъ нашествія Пугачева и надѣла его себѣ на грудь подъ одежду.

Образъ этотъ, съ замѣтнымъ углубленіемъ отъ удара пугачевскаго ножа, старики Быковы передали той изъ своихъ дочерей, которая, будучи грудным ребенкомъ, была свидѣтельницей чудеснаго спасенія своей матери отъ руки Пугачева, т. е. моей родной бабки, и съ тѣхъ поръ икона эта сдѣлалась дорогимъ достояніемъ ея потомства и понынѣ передъ ней горитъ у меня неугасимая лампада.

Но какая странная судьба выпала на долю этой дѣвочки, черезъ всю жизнь которой прошла трагическая полоса. Сдѣлавшись взрослой дѣвушкой, она, Александра Ѳедоровна Быкова, вышла замужъ за бывшаго адъютанта Суворова, полковника Степана Григорьевича Долгово-Сабурова, который тогда только впервые прибылъ въ Саратовскую губернію, для принятія пожалованныхъ ему въ разныхъ уѣздахъ земель.

У Долгово-Сабуровыхъ было трисына и двѣ дочери. Когда два ихъ сына, Алексѣй и Михаилъ, достаточно уже подросли и получено было изъ Петербурга увѣдомленіе о зачисленіи ихъ въ корпусъ, то въ это время къ Долгово-Сабуровымъ пріѣхали два ихъ родственника, полковникъ Базенъ и петербургскій чиновникъ Алфимовъ. Оба они имѣли правительственныя порученія- первый закупку лошадей для войскъ, а второй присланъ былъ въ Саратовское казначейство съ денежными суммами, для обмѣна старыхъ денегъ на новыя. Желая отплатить за то радушіе и гостепріимство, съ которымъ ихъ приняли, родственники эти вызвались довезти двухъ мальчиковъ до Петербурга и сдать ихъ въ корпусъ. Причемъ Алфимовъ съ Мишей отправился въ столицу на Пензу и Нижній, а Базенъ, взявъ Алешу, долженъ былъ, по его словамъ, предварительно быть въ Одессѣ. И вотъ происходитъ удивительная исторія. Алфимовъ, проигравъ въ Нижнемъ казенные деньги, бросаетъ Мишу на станціи, завѣривъ содержателя, что скоро за нимъ вернется, а затѣмъ, не доѣхавъ до Петербурга застрѣливается. Содержатель станціи, тщетно выжидая цѣлые мѣсяцы возвращенія Алфимова, обращаетъ Мишу въ прислужника для проѣзжающихъ.

Полковникъ же Базенъ въ Одессѣ, по распискѣ, запродаетъ Алешу въ рабство греку хозяину гостиницы, а самъ съ казенными деньгами бѣжитъ за границу.

Долго спустя, изъ Саратова ѣдетъ въ Петербургъ генеральша Алферова, и на станціи въ Нижнемъ ея слуга видитъ на кухнѣ мальчика, ставящаго самоваръ. Присматриваясь, онъ находитъ въ немъ необыкновенное сходство съ крестникомъ своей госпожи, Мишей Долгово-Сабуровымъ, онъ называетъ его по имени, но бѣдный мальчикъ на столько былъ запуганъ своимъ положеніемъ, что даже начинаетъ отказываться отъ своего имени, тогда слуга, сообщивъ объ этомъ своей барынѣ, приводитъ его къ ней, и та, къ своему ужасу, дѣйствительно, узнаетъ въ немъ своего крестника. Взявъ его съ собою въ Петербургъ, она даетъ знать о случившемся его родителямъ.

Между тѣмъ, Алеша, какъ старшій и при томъ будучи гордаго и независимаго характера, не хотѣлъ признать себя рабомъ, заявляя хозяину, что онъ вовсе не крѣпостной, а сынъ помѣщика, который самъ имѣетъ много крѣпостныхъ людей. Грекъ, съ одной стороны, боясь отвѣтственности за незаконную свою покупку, а съ другой, не желая лишиться денегъ, которые онъ заплатилъ за него Базену, началъ Алешу запирать въ отдаленныя отъ жилаго помѣщенія службы и даже связывать веревками, такъ какъ онъ не унимался и своимъ крикомъ могъ обратить на себя вниманіе проѣзжающихъ. Послѣ этого умный мальчикъ сообразилъ, что подобными дѣйствіями онъ себѣ не поможетъ, почему и рѣшилъ временно покориться власти грека, который сначала на веревкѣ допускалъ Алешу рубить дрова и чистить дворъ, а затѣмъ, убѣдившись въ его покорности, взялъ въ домъ, для прислуживанія себѣ и проѣзжающимъ. Когда же хозяинъ пересталъ слѣдить за всѣми его дѣйствіями, Алеша, улучивъ свободную минуту, рѣшился привести въ исполненіе задуманный имъ заранѣе планъ. Онъ отправился въ отдаленную часть города и, встрѣтивъ полицейскаго чиновника, разсказалъ все съ нимъ случившееся и, назвавъ себя сыномъ полковника Долгово-Сабурова, просилъ указать ему домъ губернатора Объ этомъ обстоятельствѣ немедленно было доведено до свѣдѣнія послѣдняго, и когда мальчикъ предсталъ предъ губернаторомъ и, послѣ повторенія разсказа о его мытарствахъ, въ доказательство правоты своихъ словъ, вынулъ, зашитый за подкладкой платья, свой документъ, то губернаторъ узналъ въ немъ сына лучшаго своего боеваго товарища. Онъ оставилъ его у себя и, сообщивъ о томъ родителямъ, донесъ о происшествіи только что воцарившемуся императору Александру I.

Затѣмъ мальчики были опредѣлены въ корпусъ и впослѣдствіи оба, произведенные офицерами въ лейбъ-гусары, были убиты въ отечественную войну 1812 года.

Третій сынъ Долгово-Сабуровыхъ Иванъ былъ крестникъ генералиссимуса Суворова, который видимо, любивъ своего бывшаго адъютанта Степана Григорьевича, нерѣдко писалъ къ нему, почему нѣкоторые изъ его собственныхъ писемъ у меня сохраняются до сего времени. Иванъ Долгово-Сабуровъ, по желанію своего крестнаго отца, былъ морякомъ и, дослужившись до чина лейтенанта, находился на лучшемъ счету у своего начальства и, какъ человѣкъ богатый и хорошей фамиліи, привлекъ особенное на себя вниманіе своего начальника контръ-адмирала N, который задумалъ женить его на своей дочери. Но такъ какъ Иванъ Степановичъ, побывавъ на родинѣ, объявилъ ему о своей помолвкѣ въ Саратовѣ съ дѣвицей Поповой, то, озлобленный начальникъ не только измѣнилъ къ нему свои отношенія, но и рѣшился совсѣмъ погубить его. Онъ подговорилъ ружейнаго охотника изъ матросовъ, который всегда приносилъ дичь своимъ начальникамъ, выпросить фунтъ пороху у завѣдывавшаго пороховымъ складомъ лейтенанта Долгово-Сабурова. Матросъ исполнилъ это, и когда онъ съ этимъ порохомъ выходилъ изъ склада, то былъ задержанъ заранѣе подосланными для этого людьми, и Долгово-Сабуровъ по военному суду былъ разжалованъ въ рядовые.

Бѣдная мать, итакъ уже убитая горемъ отъ потери двухъ сыновей, поражена была параличемъ отъ этого новаго несчастья, и потому одна изъ ея сестеръ, Марія, отправилась въ Петербургъ къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, чрезъ которую не только выхлопотала возвращеніе чиновъ Ивану Степановичу, но и изъявленіе особенной къ нему царской милости при переводѣ его въ Петербургскую флотилію, гдѣ онъ былъ вскорѣ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты.

Положеніе Долгово-Сабурова въ столицѣ было очень завидное, такъ какъ, среди высокопоставленныхъ лицъ, онъ встрѣтилъ многихъ сослуживцевъ своего отца, но дальнѣйшей служебной карьеры ему сдѣлать не пришлось, такъ какъ родители пожелали, чтобы онъ оставилъ службу и вернулся на родину, гдѣ онъ и женился на одной изъ красивѣйшихъ и богатыхъ невѣстъ, Настасьѣ Александровнѣ Поповой. Но судьба Ивану Степановичу снова не повезла. Не прошло и четырехъ лѣтъ со времени женитьбы, какъ въ Саратовъ прибылъ для расквартированія гусарскій полкъ, въ которомъ находился ротмистръ графъ Бобринскій. Блестящій гусаръ плѣнилъ Настасью Александровну, и та, бросивъ мужа и продавъ свое имѣніе, бѣжала съ нимъ за границу. Послѣ этого Иванъ Степановичъ Долгово-Сабуровъ прожилъ не долго и умеръ въ холеру 1830 года, завѣщая, какъ бездѣтный, свою фамилію и свое состояніе, только что родившемуся тогда, единственному сыну родной его сестры Анны Степановны Шомпулевой, т. е. мнѣ. Но такъ какъ въ тотъ же холерный годъ умеръ скоропостижно и мой отецъ, то матери, какъ женщинѣ постигнутой такимъ ужаснымъ горемъ, было не до сто-

личныхъ хлопотъ, и она, по праву наслѣдія, воспользовалась лишь только уцѣлѣвшимъ состояніемъ брата и своихъ родителей. Вскорѣ затѣмъ скончались и старики Долгово Сабуровы, а оставшаяся въ дѣвицахъ ихъ послѣдняя дочь Евпраксія Степановна приняла постриженіе въ Пензенскомъ монастырѣ, гдѣ, состоя казначеей, была убита лошадьми во время ея поѣздки въ городѣ Пензѣ.

Почти тридцать лѣтъ спустя послѣ разсказанныхъ мною событій, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ Саратовъ явился изъ Архангельской губерніи іеромонахъ Амфилохій съ сборомъ на перестройку своей монастырской церкви и попалъ ко мнѣ въ домъ, гдѣ по старинному обычаю всегда оказывалось такимъ странникамъ гостепріимство. Разговорившись съ нимъ я неожиданно узналъ дальнѣйшую судьбу бѣжавшей за границу съ графомъ Бобринскимъ Настасьи Александровны Долгово-Сабуровой. Іеромонахъ Амфилохій, какъ оказалось, былъ ранѣе камердинеромъ графа Бобринскаго и сообщилъ мнѣ, что уже десять лѣтъ назадъ графъ скончался за границей, почему онъ, Амфилохій, и горничная Настасьи Александровны, по обѣщанію, ежели Богъ приведетъ имъ вернуться въ Россію, поступили въ монастыри; о томъ же, гдѣ находится Настасья Александровна онъ, согласно ея желанія, долго умалчивалъ и лишь послѣ усиленныхъ просьбъ моей матери, сказалъ, что она пострижена въ Пензенскомъ монастырѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, Настасья Александровна, бывъ въ полномъ постриженіи, вела тамъ отшельническую жизнь, гдѣ и скончалась.

При этомъ, считаю не лишнимъ добавить, что одна изъ дочерей Ѳедора Артамоновича Быкова, моя двоюродная бабка, Марья Ѳедоровна, въ память чуднаго избавленія ея матери отъ руки Пугачева, выстроила въ своемъ имѣніи, въ деревнѣ Студенкѣ, прекраснѣйшую часовню съ небольшимъ иконостасомъ и басейномъ внутри, въ которой ежегодно, съ особой торжественностью, служилась панихида по убитымъ Пугачевымъ ея братьямъ; а, умирая въ 1847 году, Марья Ѳедоровна завѣщала, въ память того избавленія, отпустить крестьянъ этой деревни на волю, со всей землей, что и было исполнено ея душеприказчицей, моей матерью, хотя она и состояла ближайшей наслѣдницей къ этому родовому имѣнію. Это обстоятельство въ то время не мало надѣлало хлопотъ, такъ какъ подобныя распоряженія помѣщиковъ были очень рѣдки и къ нимъ относились съ нѣкоторой подозрительностью. Но крестьяне не умѣли воспользоваться такимъ благополучіемъ и поспѣшили продать землю, внеся въ казенную палату за себя подушныя до ревизіи, и приписались къ мѣщанскому обществу города Саратова, вѣроятно изъ боязни быть снова прикрѣпленными къ землѣ. Теперь этотъ чудный участокъ, съ водяной мельницей, заливными лугами, славящимися въ уѣздѣ ружейной охотой, обширнымъ прудомъ у подошвы крутой, по-

крытой лѣсомъ, горы, гдѣ затопленные нынѣ водой пруда, находятся знаменитыя пещеры Пугачевцевъ во время ихъ стоянки,—составляетъ собственность нѣмецкихъ колонистовъ и, въ образовавшейся небольшой колоніи Студенкѣ не осталось и слѣда прежней исторической мѣстности: часовня разобрана нѣмцами, и только чудный, быстро текущій изъ высокой горы родникъ напоминаетъ немногимъ старожиламъ то мѣсто, гдѣ она стояла.

В. А. Шомпулевъ.

ТИПЫ И КАРТИНКИ ПРОШЛАГО.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ моя мать получила письмо отъ своей двоюродной вдовой бабки Фаины Гавриловны Зварыкиной, которымъ она настойчиво приглашала пріѣхать къ ней и обязательно привезти съ собою меня и мою сестру, добавляя, что къ ней пріѣдетъ ея единственный сынъ Петръ Сергѣевичъ, котораго уже произвели въ полковники. Невѣдомая для меня дотолѣ моя прабабка и ея сынъ, приходившійся мнѣ дѣдомъ, крайне меня интересовали, и потому я, несмотря на свою въ то время молодость, охотно отправился съ матушкой и сестрой въ село Мангушево, Сергачевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Длинный путь отъ Саратова на своихъ лошадяхъ и въ старинной семейной каретѣ въ настоящее время показался бы мучительнымъ, но тогда этотъ способъ переѣзда не былъ страшенъ, и вотъ недѣли черезъ двѣ, пріѣхавъ въ село Мангушево, мы радушно были встрѣчены моей прабабушкой Фаяной Гавриловной, которая стояла на террасѣ своего громаднаго дома и въ золотой лорнетъ слѣдила, какъ мы выгружались изъ нашего дормеза. Съ перваго взгляда она могла бы казаться женщиной не старше 50-ти лѣтъ: маленькая, худенькая, съ властнымъ взглядомъ, изящно одѣтая по модѣ того времени; на головѣ ея былъ легкій черный чепецъ, изъ-подъ котораго спускались по впскамъ накладныя черныя букли; зубы у нея были удивительные по бѣлизнѣ и правильности, и только когда я поцѣловалъ ея крошечную ручку, то по костлявымъ, обтянутымъ одною кожей пальцамъ, могъ повѣрить, что ей было 84 года. Рядомъ съ ней стоялъ красивый, высокій штабъ-офицеръ, съ закрученными въ кольцо черными усами, дѣдушка Петръ Сергѣевичъ, изъза котораго выглядывалъ его хорошенькій, обстриженный въ кружало,

казачекъ. Фаяна Гавриловна приказала было этому казачку помочь нашей прислугѣ выгрузить изъ экипажа вещи, но Петръ Сергѣевичъ заботливо отстранилъ его, пославъ для этого другую прислугу.

Домъ у прабабушки былъ изъ 40-ка комнатъ, обставленныхъ старинной великолѣпной мебелью, обитой, нарочно вытканными для этого, самой тончайшей домашней работы, коврами. Громадный, въ два свѣта, залъ, съ хорами и органомъ наверху, съ массивной, спускавшейся съ потолка, люстрой, былъ заставленъ высокими тепличными растеніями, сквозь которыя мѣстами, въ нишахъ, вырисовывались мраморные статуи. Залъ этотъ нѣсколькими арками соединялся съ комнатой немного меньшихъ размѣровъ, и она, устланная мягкими коврами и съ тяжелыми портьерами на окнахъ, представляла собою гостиную съ диванами, на которые нужно было подниматься по ступенькамъ; стѣны были украшены громадными зеркалами, портретомъ во весь ростъ императора Павла Петровича и многими фамильными портретами временъ XVII и XVIII столѣтій. Большая стеклянная дверь вела изъ нея въ оранжерею. Далѣе былъ кабинетъ ея покойнаго мужа, увѣшанный стариннымъ оружіемъ и рыцарскими доспѣхами, тутъ же стояли, вдоль одной изъ стѣнъ, столы съ ящиками на одинъ скатъ, подъ стеклянными крышками которыхъ хранились древнія монеты, слитки руды и множество самородковъ дорогихъ камней и кристалловъ, по угламъ же на полкахъ лежали черепа и кости допотопныхъ животныхъ. Рядомъ съ ней, почти одинаковой величины съ залой, находилась комната съ бильярдомъ посрединѣ и двумя маленькими китайскими бильярдами по бокамъ; она, ранѣе служа театральной залой, имѣла по срединѣ впадину и кромѣ того съ одной стороны особый выходъ на террасу сада, а съ другой—дверь, выходившую въ корридоръ, по бокамъ котораго шелъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ комнатъ для пріѣзда въ прежніе годы гостей; корридоръ этотъ заканчивался широкой лѣстницей, ведущей въ почти заброшенный верхній этажъ, гдѣ особенное вниманіе привлекала обширная библіотека. Но вся эта часть дома со смертью мужа Фаяны Гавриловны оставалась нежилой, сама же она занимала другую его половину, съ менѣе причудливой обстановкой, хотя ея спальня и кабинетъ были также крайне оригинальны, такъ какъ комната раздѣлялась перегородкой изъ цвѣтныхъ стеколъ, и одна часть ея совсѣмъ безъ оконъ, составляя спальню, имѣла стѣны сплошь уставленныя въ богатыхъ ризахъ иконами, передъ которыми теплилось нѣсколько лампадъ и стоялъ аналой съ евангеліемъ, гдѣ она молилась; другая же, о четырехъ выходившихъ въ садъ окнахъ, служила ей кабинетомъ, гдѣ, передъ стариннымъ письменнымъ столомъ, сидя въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ, хозяйка любила бесѣдовать съ гостями, причемъ позади ея кресла въ углу, чуть не до потолка,

горкой оригинально возвышалась груда писемъ, указывавшая на ея долговременную и обширную корреспонденцію.

Прожили мы въ Мангушевѣ около мѣсяца, ознакомились съ сосѣдями прабабушки, которые ее часто посѣщали, такъ какъ она, при ея громадномъ состояніи, любила принимать гостей, нерѣдко пріѣзжавшихъ даже изъ Нижняго Новгорода. За обѣденнымъ столомъ лакеи прислуживали въ свѣтло-зеленыхъ фракахъ, съ длинными фалдами, въ красныхъ жилетахъ съ позументомъ, въ чулкахъ и башмакахъ, напоминая времена прошлаго вѣка, причемъ камердинеръ покойнаго мужа Фаяны Гавриловны, семидесяти-лѣтній старикъ, котораго она звала Митькой, прислуживалъ только ей одной и, стоя за ея стуломъ, послѣ каждаго блюда получалъ нарочно оставленный Фаяной Гавриловной для него кусочекъ кушанья, который онъ, едва передвигая ноги отъ дряхлости, уносилъ изъ столовой. Блюда прежде всего подавались самой Фаинѣ Гавриловнѣ, а затѣмъ уже гостямъ, и дѣлалось исключеніе лишь только для двухъ подругъ-сосѣдокъ: княгини Бабичевой и графини Рошфоръ. Съ княгиней Бабичевой у Фаяны Гавриловны было, вѣроятно, порѣшено женить Петра Сергѣевича на ея внучкѣ, въ надеждѣ чего, какъ оказалось, она, вызвавъ сына, пригласила и насъ въ Мангушево. Но, къ удивленію этихъ пріятельницъ, дѣло не шло на ладъ, и Петръ Сергѣевичъ подъ разными предлогами уклонялся отъ женитьбы на 17-тилѣтней прелестной княжнѣ, несмотря на милліонное состояніе ихъ обоихъ, и уже поговаривалъ о своемъ отъѣздѣ въ Оренбургъ въ ожиданіи тамъ назначенія его командиромъ полка.

Властолюбивая женщина никакъ не могла примириться съ мыслей, что порѣшенный ею бракъ не состоится, и потому настойчиво требовала отъ сына формальнаго предложенія внучкѣ княгини Бабичевой, а такъ какъ день мы проводили всѣ вмѣстѣ, то для своихъ интимныхъ бесѣдъ съ сыномъ Фаяна Гавриловна избирала время, когда вечеромъ всѣ уже расходились по своимъ комнатамъ. Дѣдушка Петръ Сергѣевичъ имѣлъ обыкновеніе всѣхъ раньше уходить на свою половину, и ложась въ постель далеко за полночь, засыпалъ подъ мелодичные звуки гитары своего казачка. Фаяна Гавриловна, послѣ своей вечерней молитвы, всегда отправлялась къ нему поговорить о столь интересовавшемъ ее дѣлѣ и, благословивъ сына, уходила каждый разъ недовольной и раздраженной. Смутное подозрѣніе, что сынъ кого-нибудь уже любитъ, начинало закрадываться ей въ душу, какъ однажды она увидѣла, выглядывавшій изъ-подъ ворота рубашки, на груди Петра Сергѣевича медальонъ; схвативъ его, Фаяна Гавриловна, несмотря на сопротивленіе сына, успѣла открыть и тамъ въ портретѣ женщины узнала любимаго его казачка. Только тутъ Петръ Сергѣевичъ рѣшился признаться матери, что это его жена, дочь бѣднаго чиновника. Гордая женщина настолько

была поражена этимъ открытіемъ, что ни мольбы, ни слезы ея дѣтей не могли ее тронуть, и она тутъ же съ проклятіемъ прогнала ихъ изъ дома.

Трудно себѣ представить тотъ переполохъ въ домѣ Зварыкиной въ ночь послѣ этого ужаснаго происшествія. Въ усадьбѣ все проснулось, забѣгали люди съ фонарями, торопливо укладывались вещи въ заложенный уже экипажъ Петра Сергѣевича, но онъ и юная жена его еще долго, долго не отходили отъ запертой двери неумолимой матери, тщетно надѣясь смягчить ея сердце. Но все было напрасно, и въ полномъ отчаяніи, въ тяжелыхъ рыданіяхъ эта любящая другъ друга чета навсегда покинула родительскій кровъ.

Весь слѣдующій день Фаина Гавриловна оставалась запершись въ своей комнатѣ и лишь вечеромъ только призвала къ себѣ мою матушку, которой и передала о подробностяхъ случившагося, и тутъ же, высказавъ рѣшеніе лишить своего сына наслѣдства, предложила ей купить всѣ ея вотчины. Матушка вздумала было просить Фаину Гавриловну за ея сына, но отказъ былъ такъ суровъ и рѣшителенъ, что далѣе она уже не смѣла болѣе говорить объ этомъ; относительно же покупки вотчинъ отозвалась неимѣніемъ у себя столь большихъ денегъ. Когда же прабабушка затѣмъ сказала ей, что это не ее дѣло и что она заплатитъ столько, сколько можетъ, такъ какъ она не желаетъ умереть не наказавъ сына, то матушка рѣшительно отказалась отъ этого предложенія, объяснивъ, что считаетъ грѣхомъ воспользоваться состояніемъ законнаго наслѣдника.

Отвѣтъ этотъ видимо не понравился Фаинѣ Гавриловнѣ и она болѣе уже о томъ не упоминала. Когда же мы черезъ нѣсколько дней послѣ этого отправились въ обратный путь, то отосланный днемъ ранѣе нашъ фургонъ съ поваромъ и прислугой оказался наполненнымъ множествомъ цѣнныхъ вещей и рѣдкостей, уложенныхъ безъ нашего вѣдома по приказанію прабабушки. Прошло послѣ этого полгода, въ продолженіе котораго матушка обмѣнялась нѣсколькими письмами съ Петромъ Сергѣевичемъ, результатомъ чего послѣдовало согласіе ее пріобрѣсти покупкою всѣ имѣнія Зварыкиной, въ предположеніи такимъ образомъ хотя часть ихъ передать Петру Сергѣевичу, но отвѣтомъ было то, что всѣ имѣнія уже запроданы какому-то С—ву, за исключеніемъ 260 душъ въ селѣ Чирчимѣ, Саратовской губерніи, которые она по духовной завѣщаетъ матушкѣ.

И вотъ въ слѣдующіе четыре года судьба въ свою очередь караетъ жестокосердую мать, проклявшую сына.

Мятель и вьюга нѣсколько дней задерживаютъ на станціи въ Мангушевѣ проѣзжаго чиновника С—ва, гдѣ по сосѣдству онъ находитъ гостепріимство у престарѣлаго священника, крестника Фаины Гавриловны. Разговорившись съ этимъ старцемъ, онъ узнаетъ о семейной [illegible]трофѣ Зварыкиныхъ и, ловко вывѣдавъ о происхожденіи ея пред-

ковъ, узнаетъ себя какъ бы дальнимъ ея родственникомъ. Добродушный священникъ, не подозрѣвая злаго умысла, спѣшитъ обрадовать одинокую Фаяну Гавриловну этимъ извѣстіемъ, и новый лже-родственникъ быстро очаровываетъ Зварыкину, цѣлуетъ ей руки, называетъ бабушкой и въ нѣсколько дней настолько вкрадывается въ ея довѣріе, что она тутъ же запродаетъ ему Мангушево менѣе чѣмъ за полцѣны, при условіи разсрочки платежа денегъ и оставленіи Мангушева въ фактическомъ владѣніи за Фаяной Гавриловной до ея смерти. С—въ обязался въ условленный срокъ явиться въ городъ Арзамасъ для совершенія въ уѣздномъ судѣ запродажной записи и доставить Зварыкиной въ задатокъ 23.000 рублей.

Княгиня Бабичева и графиня Рошфоръ имѣли обыкновеніе ежегодно говѣть въ Арзамасскомъ монастырѣ, гдѣ для нихъ отводилась особая келья, почему Зварыкина назначила совершеніе запродажной записи на это время и, пріѣхавъ, остановилась у нихъ. Является затѣмъ С—въ съ готовой запродажной записью для подписи Фаяной Гавриловной, но денегъ привозитъ лишь только 2.300 рублей, хотя въ этой записи было обозначено, что Зварыкина отъ него получила 23.000 руб. Неаккуратность въ доставленіи денегъ онъ сваливаетъ на своего управляющаго, и при этихъ трехъ старухахъ клянется передъ крестомъ и евангеліемъ, что доставитъ слѣдуемую сумму въ двухнедѣльный срокъ и исполнитъ словесное обѣщаніе оставить до смерти Зварыкиной село Мангушево въ ея распоряженіи. Послѣ этого Фаяна Гавриловна подписываетъ запродажную запись и поручаетъ своему повѣренному засвидѣтельствовать ее въ уѣздномъ судѣ и затѣмъ въ Нижегородской гражданской палатѣ совершить купчую на имя С—ва.

По возвращеніи въ Мангушево, Фаяна Гавриловна, вмѣсто обѣщанныхъ С—вымъ денегъ, получала отъ него первое время письма съ извиненіями въ дальнѣйшей его неаккуратности, при новыхъ обѣщаніяхъ привезти лично всю сумму долга сразу, послѣ перезалога имѣнія въ опекунскомъ совѣтѣ; потомъ письма приходили все рѣже и рѣже и, наконецъ, къ концу 1846 г. С—ву село Мангушево было введено во владѣніе, и присланнымъ отъ него управляющимъ эта вотчина не только отобрана отъ Зварыкиной, но даже была имъ произведена опись самой усадьбы, съ предупрежденіемъ владѣлицы, что ей разрѣшается только на непродолжительное время оставаться въ ея домѣ.

Почти одновременно съ этимъ Зварыкина получаетъ извѣстіе о смерти своего сына разрывомъ сердца. Пораженная этимъ несчастьемъ и такимъ дерзскимъ обманомъ С—ва, она все-таки не падаетъ духомъ и заводитъ процессъ съ С—вымъ подачею прошеній въ Правительствующій Сенатъ и шефу жандармовъ графу Орлову, и вмѣстѣ съ этимъ шлетъ письмо императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ съ изложе-

ніемъ всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, при удостовѣреніи подписавшихъ его: княгини Бабичевой и графини Рошфоръ, изъ которыхъ послѣдняя была хорошо извѣстна императрицѣ.

Немедленно послѣ этого, и именно въ декабрѣ 1846 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе, въ которомъ говорилось, что, хотя дѣло это и облечено въ законную форму, но, въ виду преклонности лѣтъ Зварыкиной и необычайныхъ обстоятельствъ, его сопровождавшихъ, пересмотрѣть оное въ подлежащихъ присутственныхъ мѣстахъ.

Но такъ какъ въ то время сильно процвѣтали подкупъ и взятки, то дѣло Зварыкиной не подвигалось впередъ, тѣмъ болѣе, что ея повѣренные одинъ за другимъ передавались на сторону С—ва, допустивъ даже перезалогъ имѣнія въ опекунскомъ совѣтѣ. Между тѣмъ, въ 1848 году, было первое покушеніе на ея жизнь при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Читатель, вѣроятно, вспомнитъ расположеніе ея спальни и кабинета, въ которомъ она, запираясь на ночь, держала лягавую собаку. Этотъ вѣрный песъ былъ отравленъ, и черезъ двое сутокъ въ окно изъ сада тихо пробрался злодѣй съ полѣномъ въ рукахъ, которымъ и нанесъ спящей Фаинѣ Гавриловнѣ ударъ по головѣ. Но такъ какъ она, сильно страдая въ эту ночь мигренью, положила себѣ на голову небольшую подушку и придерживала ее рукой, то ударомъ и переломлена была только рука. Но прабабушка не потерялась, и такъ грозно крикнула на злодѣя, что тотъ, оробѣвъ и слыша поднявшуюся уже въ домѣ суматоху, бросился въ окно; она же, 87-милѣтняя старуха, со сломанной рукой, выскочила за нимъ и гналась съ крикомъ по аллеи сада саженъ 50-ть до рѣки, отдѣлявшей ея усадьбу отъ деревни. Крикъ ея услышанъ былъ уличными караульщиками, и преступникъ, бросившійся вплавь, былъ ими пойманъ на другомъ берегу. Это оказался дезертиръ изъ отданныхъ ею въ солдаты дворовыхъ людей.

Нечего и говорить, какъ тяжело подѣйствовало это происшествіе на здоровье Зварыкиной и на ее душевное состояніе, тѣмъ болѣе, что переломъ правой руки лишалъ ее послѣдняго утѣшенія, вести привычную переписку. Но этимъ еще не все кончилось, и въ ночь на 3 декабря 1849 года она найдена была на полу, возлѣ своей постели, мертвой. Домъ былъ разграбленъ, бумаги, денежныя документы и письма С—ва похищены. Невзирая, однако, на эти обстоятельства, она была торопливо похоронена, по распоряженію временнаго отдѣленія Сергачевскаго нижняго земскаго суда. Тогда для С—ва уже не оставалось ни какихъ преградъ быть полнымъ хозяиномъ всего, что находилось въ Мангушевѣ, и потому онъ не замедлилъ распродавать, что только было возможно въ барской усадьбѣ. Кромѣ этого, онъ сталъ давать отпускные прислугѣ, находившейся при Зварыкиной до ея смерти, хотя эти

люди и принадлежали къ селу Чирчиму, которое, по утвержденному въ 1850 году духовному завѣщанію, должно было перейти къ матушкѣ.

Это обстоятельство вынудило и ее начать процессъ съ С—вымъ, во время котораго выяснилось, что С—въ какимъ то образомъ помѣстилъ въ запродажной записи на село Мангушево также и Чирчимъ Саратовской губерніи, чего Зварыкина не замѣтила, такъ какъ сама запись не читала. Купчію же на Чирчимъ ему не удалось получить, потому что довѣренность на совершеніе ея дана была только на Мавгушево.

И вотъ противъ матушки начались тѣ же подкупы и взятки. Ее повѣренный не только передался на сторону С—ва, но и подалъ ко взысканію въ 2.000 руб. безденежный вексель, который получилъ отъ матушки въ обезпеченіе окончанія имъ этого процесса.

Дѣло это неизвѣстно какъ и когда бы кончилось, но въ это время, послѣ четырехлѣтней службы на Кавказѣ, я, вслѣдствіе раны, вышелъ въ отставку и, вернувшись домой, взялъ на себя не только это дѣло, но по праву наслѣдія и продолженіе тяжбы Зварыкиной по всѣмъ ея имѣніямъ. Но дѣла уже настолько были испорчены и запутаны повѣренными, что, послѣ моихъ поѣздокъ въ село Мангушево и въ города Сергачъ и Нижній, гдѣ я прожилъ всю зиму, и на мѣстѣ убѣдился въ скрытіи всѣхъ слѣдовъ безденежной покупки С—мъ Мангушева, трудно было бы процессъ выиграть, если бы не сообщилъ мнѣ тайно старикъ священникъ села Мангушева, крестникъ Фаяны Гавриловны, своего подозрѣнія, что Зварыкина умерла неестественной смертью, такъ какъ онъ, хоронивъ ее, самъ видѣлъ на ея вискѣ запекшуюся кровь, о чемъ даже заявлялъ осматривавшему тѣло Зварыкиной временному отдѣленію сергачевскаго нижняго земскаго суда.

Тогда я, съ Божьей помощью, рѣшился раскрыть всю эту темную исторію, для чего и отправился въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ лично доложить обо всемъ этомъ государю.

Я былъ еще очень молодъ, почему за совѣтомъ, какъ приняться за это дѣло, обратился къ только что начинавшему тогда свою карьеру племяннику мужа моей сестры П. И. Соломонъ, который служилъ директоромъ канцеляріи опекунскаго совѣта. Онъ составилъ мнѣ докладную записку на имя государя, въ которой, упоминая о состоявшемся въ 1846 году высочайшемъ повелѣніи по дѣлу Зварыкиной, объяснялось, что это повелѣніе, оставаясь въ продолженіе пяти лѣтъ безъ движенія и невниманія къ нему мѣстныхъ властей, повлекло за собою не только новые подлоги, но и убійство прабабки, почему я и просилъ единственной милости—дать вновь высочайшее повелѣніе. Лично же подать докладную записку государю встрѣчалось большое затрудненіе, но я вспомнилъ о пріѣзжавшихъ въ Саратовъ двухъ знакомыхъ мнѣ молодыхъ

офицерахъ, командированныхъ военнымъ министерствомъ для наблюденія за поставкой провіанта для кавказскаго корпуса. Это были графъ Строгановъ и Барановъ, впослѣдствіи тоже графъ, которые, будучи въ Саратовѣ, не рѣдко проводили время у того же моего beau frér-а, управлявшаго провіантской комиссіей. Я поспѣшилъ быть у нихъ, гдѣ и встрѣтилъ самый радушный пріемъ и живое участіе къ моему дѣлу и, такъ какъ Барановъ былъ близокъ съ молодымъ Адлербергомъ, который въ то время состоялъ адъютантомъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, а отецъ его министромъ императорскаго двора, то чрезъ послѣдняго моя докладная записка была представлена государю, и затѣмъ я получилъ возможность лично доложить обо всемъ его величеству.

Императоръ Николай Павловичъ, видя меня съ костылемъ въ рукѣ, милостиво разспрашивалъ, въ какомъ дѣлѣ я былъ раненъ, за что получилъ «Георгія» и зачисленъ ли подъ покровительство комитета о раненыхъ. Когда же я объяснилъ, что, получивъ милостями его величества полный пенсіонъ за рану, съ правомъ зачисленія подъ покровительство комитета, я отказался отъ особаго ежегоднаго пособія этого комитета въ пользу болѣе бѣдныхъ, чѣмъ я, офицеровъ, то государь съ улыбкой осчастливилъ меня словами, что за столь хорошій поступокъ я буду вознагражденъ наслѣдствомъ своей прабабки. Слова эти ободрили меня, и тѣ, кому я передавалъ объ этомъ, предсказывали мнѣ полный успѣхъ въ моемъ процессѣ. И дѣйствительно, не прошло и двухъ недѣль послѣ возвращенія моего въ Саратовъ, какъ получилось строгое высочайшее повелѣніе немедленно пересмотрѣть все дѣло Зварыкиной съ разслѣдованіемъ о причинахъ ея смерти. Наблюденіе же о скорѣйшемъ и безпристрастномъ окончаніи этого дѣла поручалось, по мѣсту нахожденія вотчинъ, жандармскимъ штабъ-офицерамъ нижегородскому и саратовскому. По разрытіи могилы Зварыкиной тѣло было совершенно истлѣвшимъ, но у черепа високъ найденъ пробитымъ; почему разрѣшившій ее похоронить чиновный людъ попятился, но къ несчастію убійцы не были открыты, хотя многіе изъ ея бывшихъ дворовыхъ людей долго сидѣли въ острогѣ. Жандармскіе штабъ-офицеры въ Нижнемъ полковникъ Панютинъ, а въ Саратовѣ полковникъ Есиповъ, почти ежедневно затѣмъ ходили въ гражданскія палаты и дѣло при этихъ царскихъ адвокатахъ скоро окончилось вводомъ во владѣніе моей матери крестьянъ въ селѣ Чирчимѣ Саратовской губерніи. По нижегородскому же имѣнію вслѣдъ за мною вступились еще новые наслѣдники: Демидовъ и Левинъ, но С—въ успѣлъ въ пять лѣтъ заложить имѣніе, перезаложить и надѣлать множество на него долговъ и пр., такъ что въ наслѣдство досталось только лишь часть оставшагося разграбленнаго дома.

В. А. Шомпулевъ.

ЧУЖОЕ ИМЯ.

(Записки стараго помѣщика).

I.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ въ Петербургѣ, въ трактирѣ Палкина сидѣли за отдѣльнымъ столомъ двое офицеровъ М—го пѣхотнаго полка. Одинъ изъ нихъ штабсъ-капитанъ, довольно высокаго роста, полный съ легкой просѣдью и казавшійся на видъ лѣтъ около сорока; другой средняго роста молодой худощавый подпоручикъ.

Трактирная прислуга заботливо суетилась около этого стола, подавая кушанья и мѣняя шампанское одну бутылку за другой. Эти офицеры, хотя и были пріѣзжими въ столицѣ, но, повидимому хорошо съ ней знакомыми, потому что лакеи называли ихъ по имени, а штабсъ-капитана величали «ваше сіятельство».

— Какой я «ваше сіятельство», говорилъ онъ съ усмѣшкой своему товарищу, правда, отецъ мой былъ князь N, а мать француженка С., на мою же долю досталась третья фамилія.

И дѣйствительно, бравый штабсъ-капитанъ не носилъ ни той, ни другой фамиліи, потому что былъ незаконнорожденный сынъ извѣстнаго богача N, который далъ ему блестящее домашнее образованіе и, оставивъ въ наслѣдство хорошій капиталъ, умеръ. Смерть N захватила его сына, когда уже онъ былъ на послѣднемъ курсѣ университета, и молодой человѣкъ бросивъ ученіе, поторопился поступить въ военную службу, гдѣ къ тридцати восьми годамъ и дослужился до чина штабсъ-капитана, прокутивъ большую часть своего состоянія.

Въ полку любили его, какъ лихаго товарища, участвовавшаго во всѣхъ пирушкахъ и всегда готоваго подѣлиться всѣмъ, что имѣлъ. На-

чальство также къ нему благоволило, но, несмотря на это, онъ нѣсколько разъ отказывался отъ командованія ротою и, скучая о столичной жизни, нерѣдко пользовался ею, что случилось и въ настоящее время, когда эти два офицера, получивъ полугодичный отпускъ, прожигали жизнь въ столицѣ.

День подходилъ къ вечеру и публика трактира нѣсколько разъ мѣняла свою физіономію—одни уходили, другіе входили, но эти молодые офицеры, обставленные цѣлой батареей бутылокъ, продолжали свой кутежъ.

— А хорошую штуку вы придумали, обратясь къ подпоручику сказалъ штабсъ-капитанъ. Въ полку вѣрно не даромъ называли меня генераломъ Аненковымъ; хотя онъ и на двадцать лѣтъ меня старше, но сходство у меня съ нимъ, дѣйствительно, необыкновенное, только у него голова сѣдѣе. Попробуемъ изобразить его, а вы, какъ разъ, и въ адъютанты годитесь, а то, право, такая страшная скучища, что въ пору хоть повѣситься.

Передъ офицерами этими лежала газета, въ которой говорилось о предстоящей ревизіи сибирскихъ войскъ, при чемъ въ числѣ предполагавшихся для того лицъ, называлась и фамилія генерала Аненкова.

— Ну, ужъ мы развернемся тамъ во всю и зададимъ имъ жару!

Съ этими словами молодые люди встали и штабсъ-капитанъ, просмотрѣвъ поданный счетъ, досталъ изъ своего кошелька горсть полуимперіаловъ и положилъ ихъ на столъ, сказавъ прислугѣ, что одинъ золотой отдается имъ на водку.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого по московскому шоссе катилась дорожная карета, въ которой самозванные ревизоры спѣшили въ первопрестольную, чтобы сдѣлать всѣ нужныя приготовленія для придуманной ими отчаянной шалости.—И вотъ, изъ Москвы, преобразившіеся уже въ генерала и его адъютанта, офицеры эти въ подобающей обстановкѣ продолжали путь въ Сибирь, достигнувъ которой, они съ успѣхомъ производя инспекцію сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, подвигались все дальше и дальше въ глубь, гдѣ, всюду встрѣчаемые испуганнымъ начальствомъ, съ важностью принимали даваемые въ честь ихъ обѣды и другія почести. Въ тѣ времена, при прежнихъ порядкахъ, такимъ образомъ, вѣроятно, имъ удалось-бы затѣмъ благополучно вернуться во свояси, но, на ихъ бѣду, настоящій, командированный правительствомъ, инспекторъ выѣхалъ почти вслѣдъ за ними и можно себѣ вообразить, какой произвелъ переполохъ и смущеніе этотъ новый пріѣздъ уже настоящаго ревизора, который узнавъ въ первомъ-же обревизованномъ пунктѣ сибирскихъ войскъ о такой дерзкой продѣлкѣ, немедленно послалъ за ними погоню, и арестованные самозванцы, просидѣвъ около года въ крѣпости, затѣмъ были приговорены военнымъ

судомъ къ разжалованію и заключенію въ арестанскія роты военнаго вѣдомства.

II.

Около двухъ лѣтъ спустя, въ г. Саратовѣ появляется нѣкій Андрей Ивановичъ Ѳадѣевъ, въ качествѣ управляющаго имѣніемъ камергера Шахматова, который, занимая въ Петербургѣ штатную должность при дворѣ, поручилъ Ѳадѣеву подъ контролемъ одного изъ дворянъ Григорія Яковлевича Тихменева управленіе его крестьянами въ селѣ Хмѣлевкѣ, Саратовскаго уѣзда. Ѳадѣевъ, ознакомившись затѣмъ съ сосѣдними помѣщиками, пріобрѣлъ общія къ себѣ симпатіи, такъ что, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого, получилъ приглашеніе моихъ ближайшихъ сосѣдей помѣщиковъ Готовицкихъ управлять ихъ большими имѣніями, что и дало мнѣ возможность узнать его ближе. Ѳадѣевъ былъ женатъ на молоденькой дочери чиновника, любилъ комфортъ и былъ очень религіозенъ. Встрѣчая его въ церкви, мнѣ не разъ приходилось видѣть его стоящимъ на колѣняхъ и со слезами на глазахъ. Жена же его не пропускала ни одной обѣдни и молилась всегда съ такимъ чувствомъ, что невольно обращала на себя общее вниманіе и заставляла предполагать существованіе у нихъ какого-то затаеннаго горя. И несмотря на ихъ взаимную любовь и полное согласіе, она затѣмъ вскорѣ умерла злѣйшей чахоткой. Бездѣтный Ѳадѣевъ былъ страшно пораженъ этой потерей, такъ что одно время поговаривалъ даже о монастырѣ, но потомъ успокоившись перебрался въ Саратовъ, гдѣ, проживая уже самымъ скромнымъ образомъ, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ, какъ человѣкъ до чрезвычайности скромный и любезно предлагавшій свои услуги помѣщикамъ въ ихъ разныхъ дѣлахъ по присутственнымъ мѣстамъ и въ денежныхъ затрудненіяхъ. За хлопоты свои онъ не только не назначалъ гонорара, но и стѣснялся брать даже должное; свои же небольшія деньги онъ раздавалъ нуждающимся въ долгъ безъ процентовъ, почему его всѣ очень любили, такъ что мнѣ не разъ приходилось встрѣчать Андрея Ивановича на званыхъ обѣдахъ даже у лицъ, занимавшихъ высшія должности въ губерніи.

Когда же Ѳадѣевъ оказалъ мнѣ однажды значительную услугу при покупкѣ мною довольно большой вотчины крестьянъ деревни Быковки,—принадлежавшихъ ранѣе моимъ предкамъ, то, проживъ у меня въ имѣніи около двухъ недѣль, расположилъ и меня къ себѣ своею необыкновенной деликатностью и порядочностью, такъ что послѣ этого я уже не разъ приглашалъ его къ себѣ. Но Андрей Ивановичъ, при его пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, былъ какъ-то странно почтителенъ къ людямъ даже вдвое его моложе, и всегда искалъ сближенія съ поли-

ціей, почему въ уѣздѣ съ исправникомъ, а въ городѣ съ частными приставами находился въ большой дружбѣ.

И вотъ, однажды, уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, Ѳадѣевъ, проходя съ частнымъ приставомъ въ Саратовѣ по театральной площади, натолкнулся на партію арестантовъ, исправлявшихъ мостовую. Вдругъ одинъ изъ нихъ, пристально вглядываясь въ Ѳадѣева, отдаетъ ему честь по военному и называетъ его «ваше превосходительство». Полицейскій чиновникъ, предполагая, что арестантъ пьянъ, приказалъ ему замолчать и хотѣлъ уже съ Ѳадѣевымъ идти далѣе, но арестантъ настойчиво требовалъ выслушать его и разсказалъ всю вышеприведенную исторію инспекціи сибирскихъ войскъ, объяснивъ, что Ѳадѣевъ былъ генераломъ, а онъ его адъютантомъ.

Конечно, никто не хотѣлъ вѣрить росказнямъ арестанта, такъ какъ происшествіе это въ Саратовѣ не было извѣстно, да и кромѣ того, Ѳадѣевъ пользовался такой солидной репутаціей, что участіе его въ подобной невѣроятной исторіи всѣмъ казалось невозможнымъ. Но, не менѣе того, все таки, по распоряженію мѣстныхъ властей, безъ огласки, было начато дознаніе о личности Андрея Ивановича, такъ какъ, за смертью камергера Шахматова, никто изъ саратовскаго общества не зналъ о его происхожденіи. До времени же окончанія этого дѣла Ѳадѣевъ былъ принятъ на поруки его хорошимъ пріятелемъ солиднымъ чиновникомъ Лобановымъ.

Вскорѣ, по дознанію было обнаружено, что Ѳадѣевъ отпущенникъ генеральши Ч., которая, живя постоянно въ Петербургѣ, гдѣ имѣла дома, взяла его, какъ круглаго сироту изъ своихъ саратовскихъ вотчинъ къ себѣ еще мальчикомъ, обучила его и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ управленія ея домами, когда ему было уже лѣтъ подъ 40, отпустила его на волю. Послѣ чего онъ находился нѣкоторое время въ той деревнѣ, въ которой родился. Когда же понадобился Шахматову управляющій для саратовскаго имѣнія, то генеральша Ч. рекомендовала ему Ѳадѣева. Въ добавленіе къ этому выяснилось еще слѣдующее обстоятельство, что получивъ отпускную, Андрей Ивановичъ, находясь въ деревнѣ, отыскалъ своихъ дальнихъ родственниковъ и даже старика крестнаго отца, который по мѣдному кресту на шеѣ призналъ его за своего крестника. А когда Ѳадѣевъ, переселившись въ Саратовъ, задумалъ жениться, то, по письменному приказанію генеральши Ч., ему было выдано даже изъ ея вотчинной конторы въ награду 500 рублей на свадьбу.

Такого дознанія было вполнѣ достаточно для того, чтобы снять съ Ѳадѣева всякое подозрѣніе, и арестанта уже готовились признать сумасшедшимъ, но послѣдній продолжалъ настаивать на своемъ, завѣряя, что его самозванный генералъ, когда ихъ гнали изъ крѣпости по этапу въ аре-

станскія роты военнаго вѣдомства, бѣжалъ, а онъ, арестантъ, по восшествіи на престолъ императора Александра II, согласно манифеста, былъ перемѣщенъ въ Саратовъ, въ арестантское отдѣленіе гражданскаго вѣдомства. Почему для вящаго удостовѣренія въ несправедливости показаній арестанта, начальство и предполагало отправить Өадѣева въ Петербургъ для удостовѣренія его личности самой генеральшей Ч. Но пока оно обдумывало, стоитъ-ли за всѣмъ выяснившимся везти Өадѣева еще въ Петербургъ, онъ бѣжалъ и прислалъ съ дороги письмо, въ которомъ не только подтвердилъ все заявленное арестантомъ, но и объяснилъ, что имя Өадѣева принадлежало другому, котораго онъ убилъ на дорогѣ, встрѣтивъ послѣ побѣга своего, когда ихъ гнали въ арестантскія роты.

Къ этому не лишнимъ будетъ прибавить, что когда Өадѣевъ находился на порукахъ у Лобанова, то послѣднее время своего пребыванія въ Саратовѣ началъ покучивать, а за нѣсколько дней до своего побѣга, оставаясь съ дѣтьми у одного изъ сосѣдей, Өадѣевъ обнаружилъ свои познанія въ иностранныхъ языкахъ, поправляя дѣтямъ переводы, а затѣмъ однажды сѣлъ за фортепіано и сыгралъ блестящую импровизацію, что вѣроятно и ускорило его побѣгъ, такъ какъ Лобановъ, узнавъ объ этомъ, не только сталъ относиться къ нему подозрительно, но и передалъ о томъ бывшему полиціймейстеру полковнику П—ку. Это мнѣ лично впослѣдствіи передавалъ Лобановъ.

Во время побѣга, близъ г. Пензы Өадѣева встрѣтилъ на почтовой станціи мой beau-frère, поручикъ гвардейскихъ уланъ А. М. Готовицкій, возвращавшійся изъ Новгорода въ Саратовъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія.

Готовицкій во время своего дѣтства зналъ Өадѣева управляющимъ имѣніями своихъ родителей въ селѣ Поповкѣ и, не подозрѣвая ничего объ этой исторіи, не только относился къ Өадѣеву симпатично, но вслѣдствіе его разсказа о потери будто бы въ дорогѣ денегъ, далъ ему заимообразно сто рублей.

Какъ, затѣмъ, и куда скрылся мнимый Өадѣевъ, и что сталось съ его бывшимъ адъютантомъ мнѣ—не извѣстно. Прошедшіе же слишкомъ 40 лѣтъ со времени исчезновенія Өадѣева изъ Саратова многое покрыли своей давностію и, покорный своей судьбѣ, адъютантъ Өадѣева, вѣроятно уже давно прощенный, доживаетъ гдѣ нибудь на родинѣ покойно остатки дней своей глубокой старости.

В. А. Шомпулевъ.

Мнимоумершій.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Лѣтъ сорокъ назадъ въ Саратовской губерніи появился польскій дворянинъ Осипъ Николаевичъ Вѣтвицкій. Прекрасно образованный молодой человѣкъ и чуждый политическихъ идей, онъ скоро сошелся съ обществомъ мѣстнаго дворянства, которое, видя въ немъ къ тому же ученаго агронома заграничной школы, присланнаго княземъ Львомъ Викторовичемъ Кочубеемъ управлять его большими вотчинами, спѣшило позаимствоваться отъ него свѣдѣніями по части сельскаго хозяйства. Вѣтвицкій, сынъ бывшаго гувернера князей Кочубей, съ дѣтства извѣстный этому княжескому дому, получилъ отъ старшаго изъ братьевъ полную довѣренность на управленіе его имѣніями въ Саратовской губерніи и, поселившись въ селѣ Широкомъ-Карамышѣ, какъ полновластное лицо, завелъ тамъ хозяйство въ широкихъ размѣрахъ. Онъ построилъ громадный винокуренный заводъ и мельницы, увеличилъ овцеводство и запашку, дѣлая все это на средства экономіи и не отягощая хозяйскаго кармана. Вѣковые же лѣса и ковыльныя степи оставлялъ нетронутыми. Дѣйствія Вѣтвицкаго обратили особенное вниманіе княжеской семьи, такъ какъ прежніе управляющіе, манкируя своими дѣлами, доставляли Льву Кочубею отъ села Широкаго доходъ въ малыхъ размѣрахъ; кромѣ того, управляющій сосѣднимъ имѣніемъ сестры князей въ селѣ Дмитріевкѣ Касперовичъ за жестокость былъ убитъ крестьянами, а управляющіе втораго брата въ селѣ Рыбушкѣ одинъ за другимъ обкрадывали довѣрителя безъ всякой церемоніи, такъ что одинъ изъ нихъ даже угналъ изъ Рыбушки болѣе тысячи лучшихъ шленскихъ овецъ въ имѣніе своего тестя и отказался при этомъ отъ должности управляющаго. Когда же

противъ него князь Сергѣй Викторовичъ предполагалъ возбудить преслѣдованіе, то управляющій этотъ, притворившись сумасшедшимъ и помѣщенный въ саратовскую городскую больницу на излеченіе, отдѣлался тѣмъ, что, при посѣщеніи его Кочубеемъ и начальствомъ, усердно ѣлъ мыло. По минованіи же этой катастрофы онъ приглѣваючи зажилъ съ своимъ тестемъ и впослѣдствіи получилъ даже весьма видное назначеніе по службѣ.

Понятно, что такіе поступки другихъ сосѣднихъ управляющихъ рельефно возвышали Вѣтвицкаго въ глазахъ князя Льва Викторовича Кочубея, который вмѣсто незначительныхъ суммъ, выручавшихся ранѣе съ его саратовскихъ вотчинъ, года черезъ два послѣ управленія Вѣтвицкимъ получалъ годоваго дохода до 80.000 рублей. Объ этомъ князь любилъ говорить при встрѣчахъ съ знакомыми въ Петербургѣ, а также знала это вся Саратовская губернія.

Положеніе Вѣтвицкаго также улучшалось съ каждымъ годомъ и онъ кромѣ жалованья и полнаго содержанія, начавъ впослѣдствіи получать еще 10% съ дохода отъ княжескихъ имѣній, сталъ вполнѣ жить по барски: лѣтомъ въ деревнѣ, имѣя большую псовую охоту, а зимою въ губернскомъ городѣ среди лучшаго общества и подъ конецъ купилъ даже полторы тысячи десятинъ земли въ Аткарскомъ уѣздѣ.

Такое положеніе Вѣтвицкаго продолжалось до крестьянской реформы, послѣ которой, начавшіяся преслѣдованія противъ разныхъ лицъ за прежнее жестокое обращеніе съ крестьянами, не замедлило задѣть и его, причемъ бывшій губернскій предводитель дворянства и впослѣдствіи губернаторъ князь Щербатовъ предложилъ собранію предводителей и депутатовъ дворянства обсудить безнравственные поступки Вѣтвицкаго, какъ дворянина, изобличая его въ женскомъ насиліи и прежнихъ жестокостяхъ съ крестьянами. Въ подтвержденіе чего представилъ приговоръ крестьянъ села Широкаго-Карамыши, въ которомъ упоминалось между прочимъ, что Вѣтвицкій, кромѣ совращенія съ пути несчетнаго числа крестьянскихъ женъ, увлекъ также до 200 крестьянскихъ дѣвушекъ. Столь крупное обвиненіе повлекло за собою формальное слѣдствіе, по которому хотя ни одно изъ лицъ женскаго пола не только не подтвердило обвиненіе Вѣтвицкаго въ насиліи, но такъ какъ свидѣтельскія показанія крестьянъ утверждали противное и что Вѣтвицкій будто бы многихъ отдавалъ въ рекруты, чтобы свободнѣе пользоваться ихъ женами и сестрами, а нѣкоторые даже указали, что за годъ до того повѣсившійся на деревѣ полѣсовщикъ лишилъ себя жизни именно вслѣдствіи чрезмѣрно жестокаго обращенія Вѣтвицкаго, то сей послѣдній былъ преданъ суду мѣстной уголовной палаты и заключенъ въ тюремный замокъ.

Затѣмъ, собственное Аткарское имѣніе Вѣтвицкаго было продано

подъ предлогомъ частныхъ долговъ, по разнымъ внезапно явившимся письменнымъ обязательствамъ и онъ, просидѣвъ порядочное время въ острогѣ и узнавъ о приговорѣ своемъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Я лично зналъ покойнаго, какъ сосѣда по имѣнію, и хотя не сочувствовалъ ему при жизни, но послѣ смерти его, частью изъ любопытства, а частью именно потому, что не сочувствовалъ, поѣхалъ въ тюремный замокъ съ нимъ проститься и собственными глазами видѣлъ его умершимъ и лежавшимъ въ гробѣ, хотя трупъ его и показался мнѣ до нѣкоторой степени теплымъ. Похороны Вѣтвицкаго происходили въ католическомъ соборѣ, въ присутствіи толпы народа, полиціи съ полиціймейстеромъ во главѣ и часовыхъ съ ружьями, стоявшихъ у гроба умершаго арестанта, а гробъ по католическому обряду былъ закрытъ. Въ томъ же порядкѣ онъ отвезенъ на католическое кладбище, гдѣ похороненъ въ особомъ склепѣ.

Спустя нѣкоторое время явилась въ Саратовъ вдовая родная сестра Вѣтвицкаго съ своей дочерью и какимъ-то адвокатомъ изъ отставныхъ капитановъ польской націи, для полученія наслѣдства послѣ брата, хотя по словамъ ея и была кѣмъ-то предупреждаема изъ Лондона, чтобы за наслѣдствомъ не ѣздила. Денегъ послѣ Вѣтвицкаго не оказалось, кромѣ незначительной суммы по долговому документу; мебель же и кое-какія вещицы, находившіяся въ квартирѣ противъ тюрьмы, покойный завѣщалъ жившей тамъ своей городской фавориткѣ. Сестра Вѣтвицкаго сильно возмущалась отсутствіемъ цѣннаго наслѣдства и, считая письмо изъ Лондона присланнымъ для отвода, заявляла мнѣ, какъ предводителю дворянства, свое подозрѣніе на троихъ пріятелей покойнаго брата въ его отравленіи съ цѣлью похищенія богатства. Но подозрѣніе это конечно не имѣло основанія, такъ какъ лица эти были всѣмъ въ Саратовѣ извѣстны за людей честныхъ, зажиточныхъ и вообще вполнѣ порядочныхъ. Одинъ изъ нихъ Мер—съ былъ богатый аптекарь, другой Мал—скій—врачъ тюремной больницы и третій Тен—скій почтенный старикъ, имѣвшій лучшую мастерскую мужскаго платья, и двое послѣднихъ принадлежали къ польскому дворянству. Странно только, что тюремный докторъ послѣ смерти Вѣтвицкаго вскорѣ навсегда оставилъ Саратовъ, а аптекарь перебрался въ уѣздъ. Сестра Вѣтвицкаго, не довольствуясь репутаціей друзей покойнаго брата, требовала непремѣннаго вскрытія его трупа, и когда по распоряженію властей могила Вѣтвицкаго была разрыта, то у находившагося въ ней трупа туловище оказалось еще цѣлымъ, а лицо почему-то настолько почернѣвшимъ, что трудно было въ немъ узнать Вѣтвицкаго, хотя выдающаяся форма носа очень подходила. Желудокъ этого трупа былъ отправленъ въ петербургскій физикатъ, но по изслѣдованіи ничего подозрительнаго не оказалось.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я, однажды, осенью охотился съ собаками

на звѣря и въ сосѣднихъ съ моимъ имѣніемъ островахъ встрѣтился съ прибывшимъ передъ тѣмъ новымъ рыбушанскимъ управляющимъ князя Кочубея, Заборовскимъ. Познакомился съ нимъ, и на привалѣ за бутылкой стараго бургонскаго разговорившись о прежнемъ житьѣ-бытьѣ помѣщиковъ, упомянулъ какъ-то о брудастыхъ гончихъ покойнаго Вѣтвицкаго, которому стая этихъ заграничныхъ собакъ была прислана въ подарокъ княземъ Львомъ Кочубеемъ. Управляющій измѣнился въ лицѣ, а затѣмъ, пожавъ плечами, подозвалъ къ себѣ отдѣльно сидѣвшаго въ кружкѣ его свиты своего молодаго помощника, представилъ его мнѣ и просилъ подробно разсказать встрѣчу послѣдняго съ Вѣтвицкимъ въ Германіи. Я сначала не понялъ въ чемъ дѣло, предполагая, что молодой человѣкъ ранѣе зналъ Вѣтвицкаго, но изъ его словъ услыхалъ, что онъ прежде никогда его не видѣлъ и самъ въ первый разъ недавно прибылъ изъ Пруссіи, гдѣ, передъ отъѣздомъ въ Россію, въ Познани встрѣтился въ ресторанѣ съ Вѣтвицкимъ, который, узнавъ, что молодой человѣкъ отправляется на службу въ имѣніе князя Кочубея, пожелалъ познакомиться съ нимъ, и, передавъ ему все, что зналъ о нашей мѣстности, добавилъ, что для Россіи онъ, Вѣтвицкій, умеръ навсегда и потому возвратъ туда для него не возможенъ. Когда же молодой пруссакъ описалъ наружность Вѣтвицкаго и даже упомянулъ о синихъ крапинахъ на бѣлкахъ его глазъ, которые были обожжены взрывомъ пороха, то я болѣе уже не сомнѣвался въ томъ, что это былъ дѣйствительно Вѣтвицкій.

Черезъ нѣсколько дней бывъ въ городѣ, я передалъ о слышанномъ многимъ знакомымъ Вѣтвицкаго, всѣ они, конечно, были поражены этимъ разсказомъ, а нѣкоторые даже съ испуганными лицами крестились. Я же, какъ человѣкъ несуевѣрный, подумалъ, чего не бываетъ на свѣтѣ!..

В. А. Шомпулевъ.

Провинціальные типы сороковыхъ годовъ.

(Записки стараго помѣщика).

Кому приходилось быть въ Саратовѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ, тотъ, конечно, помнитъ его далеко не такимъ какъ теперь, когда называютъ его столицей Поволжья. Немощеныя улицы этого города были въ лѣтнее время покрыты на четверть пылью, а весной и осенью жидкой грязью на полъ-аршина и именно въ той части города, которая теперь имѣетъ такой благоустроенный и красивый видъ; второстепенныя же улицы были менѣе грязны потому, что значительная часть ихъ заростала густой травой. Главныя улицы имѣли узенькіе деревянные тротуары и изрѣдка стоявшіе фонари, тускло освѣщавшіеся конопляннымъ масломъ. Но все это не особенно затрудняло жителей, потому что почти каждый маленькій чиновникъ имѣлъ лошадь и экипажъ, въ виду крайней дешевизны сельскихъ продуктовъ и возможности имѣть недорогую прислугу изъ оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. О водопроводѣ тогда, конечно, не было и рѣчи, вода развозилась бочками изъ Волги по крутымъ ея берегамъ, а на случай пожара существовали въ нѣсколькихъ частяхъ города какіе-то деревянные съ рѣшетками бассейны, наполненные водой, покрытой вонючей зеленью. Бородатые малограмотные изъ купцовъ городскіе головы, носившіе въ парадныхъ случаяхъ длиннополые кафтаны съ бархатнымъ воротникомъ золотаго шитья, особаго фасона фуражки съ козырькомъ и на боку саблю въ кожаныхъ ножнахъ, разъѣзжая по городской пыли и грязи, почему-то совсѣмъ не обращали вниманія на благоустройство города, хотя Саратовъ со временъ Петра I имѣетъ и донынѣ болѣе 80;000 десятинъ земли. Жалкія зданія полицейскихъ частей съ каланчами были деревянныя, выкрашенныя дикой краской, а полиція, кромѣ полиціймейстера, который назна-

чался въ то время изъ заслуженныхъ штабъ-офицеровъ, отъ комитета о раненыхъ, была въ страшномъ пренебреженіи. Какъ теперь смотрю на мундирные фраки частныхъ приставовъ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ при золотыхъ петлицахъ, съ шпаженкой на боку и треуголкой, надѣвавшейся поперекъ головы. Пошлютъ, бывало, къ нему кучера или лакея съ запиской дать имъ полсотни розогъ, да и приложатъ за трудъ синенькую ассигнацію, что даже и не считалось въ то время взяткой, которая всюду безнаказанно существовала. А о квартальныхъ надзирателяхъ, замѣнявшихъ теперешнихъ помощниковъ приставовъ, и говорить нечего—они брали гдѣ попало и довольствовались не только рублевками, но и мелочью. Лучшая нажива для нихъ была во время рекрутскихъ наборовъ, когда раскутившихся рекрутовъ приходилось сажать въ часть, отъ чего они, конечно, откупались; но случалось, что отъ пьяныхъ рекрутовъ доставалось и квартальнымъ. Выхватятъ, бывало, они у кварташки треуголку изъ рукъ да ей его и дуютъ, а онъ отъ нихъ въ своемъ мундирномъ фракѣ улепетываетъ маршъ-маршъ по улицѣ до самой части. Полиція въ то время очень наживалась; пристава, по выходѣ въ отставку, дѣлались домовладѣльцами города, а нѣкоторые изъ нихъ, дослужившись до коллежскаго ассесора, который до 1847 года давалъ потомственное дворянство, пріобрѣтали земли и крестьянъ.

Грабежи и разбои подъ Саратовомъ были заурядными явленіемъ и наконецъ стали повторяться настолько часто, что въ самое короткое время было три возмутительныхъ случая, заставившихъ даже проснуться губернскую администрацію. Такъ, въ горахъ, подъ самымъ Саратовомъ, въ прудъ сада купца Громова было подкинуто мертвое тѣло, по поводу котораго частный приставъ Баусъ началъ принимать его и, какъ впослѣдствіи оказалось, взялъ съ него большую взятку. Далѣе на городскомъ выгонѣ, ночью, черезъ мостъ была протянута веревка, остановившая казенную почту, и послѣ выстрѣла въ почтальона денежная почта была разграблена. И, затѣмъ, на дачу чиновника Лачинова явилась цѣлая шайка разбойниковъ и, связавши его и его прислужника, разграбила все имущество, увезя на двухъ тройкахъ; и хотя грабители были съ намазанными сажей лицами, но Лачиновъ, служившій ранѣе самъ въ полиціи, узналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и затѣмъ заявилъ подозрѣніе на частнаго пристава Бауса. По разслѣдованіи оказалось, что приставъ Баусъ, хотя самъ въ разбояхъ и не участвовалъ, но укрывая грабителей, отбиралъ себѣ большую часть награбленнаго ими имущества, которое и найдено было въ его участкѣ, въ подземныхъ подвалахъ у загородныхъ вѣтряныхъ мельницъ. Титулярный совѣтникъ Баусъ былъ за это по суду лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь, при существовавшей въ подоб-

ныхъ случаяхъ въ то время церемоніи: привезли Бауса на загородную площадь, которая нынѣ уже находится внутри города и называется Митрофановской, и затѣмъ при громадномъ стеченіи народа, на устроенномъ высокомъ черномъ эшафотѣ, послѣ прочтенія стряпчимъ утвержденнаго государемъ о разжалованіи приговора, палачъ въ красной рубахѣ сорвалъ съ плечъ Бауса форменное платье, сломалъ надъ его головой его шпагу и, затѣмъ, давъ ему плюху, надѣлъ на него сѣрый арестантскій кафтанъ, въ которомъ онъ и былъ препровожденъ въ мѣстную тюрьму на черной высокой колесницѣ и подъ конвоемъ вооруженныхъ солдатъ.

Послѣ ссылки въ Сибирь частнаго пристава Бауса обнаружились и самые грабители, которыхъ на той же площади и эшафотѣ палачъ сѣкъ плетьми и накладывалъ имъ на лобъ и щеки клейма.

Полицейская должность страшно портила въ то время людей, и бывшіе частные пристава, преобразившіеся впослѣдствіи въ помѣщиковъ, не могли отвыкнуть отъ своихъ наклонностей, развращая и наталкивая крестьянъ на разныя преступленія; причемъ одинъ мой сосѣдъ Н., сынъ также выслужившагося дворянина, не погнушался начать службу съ квартальнаго и, практикуясь на этой должности въ искусствѣ воровства, держалъ однажды пари съ богатымъ купцомъ любителемъ лошадей, что онъ украдетъ у него цѣннаго жеребца, хотя бы при самомъ строгомъ надзорѣ за лошадью. И дѣйствительно, несмотря на караулившихъ ее день и ночь конюховъ, лошадь была уведена и какъ выигрышъ сдѣлалась собственностью Н., который, впослѣдствіи уже живя въ имѣніи, заставлялъ своихъ крестьянъ въ сильную зимнюю вьюгу, заметавшую слѣдъ, изъ-полу воровать со степи сосѣднихъ помѣщиковъ сѣно, и когда неумѣлые крестьяне попадались, то онъ сѣкъ ихъ приговаривая, «воруй да не попадайся». Состояніе его росло съ каждымъ годомъ и онъ сдѣлался подъ конецъ помѣщикомъ даже нѣсколькихъ уѣздовъ. Однажды, по доносу крѣпостнаго кучера его Алексѣя, онъ былъ заподозрѣнъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, но когда въ его имѣніи былъ произведенъ обыскъ, то ничего подозрительнаго не нашли, такъ какъ станки были его дворецкимъ спущены въ прудъ. Доносчика же кучера онъ тутъ же взялъ изъ тюрьмы къ себѣ на поруки и это дѣло какъ и многія другія было замято. Н. и его отецъ, разбогатѣвъ, были оба женаты на дочеряхъ помѣщиковъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, давшихъ имъ возможность войти въ дворянское общество. Отецъ же Н., не выпуская изъ рукъ нагайки, на столько былъ свирѣпъ въ семействѣ, что когда онъ умеръ, то жена и родственники боялись подходить къ нему предполагая, что онъ притворяется и вскочитъ, чтобы всѣхъ отдуть плетью, такъ какъ ранѣе онъ

продѣлывалъ такія штуки, желая заставить собраться къ нему жену и родственниковъ.

Моя матушка была на его похоронахъ, которые происходили лѣтомъ, и разсказывала, что когда онъ еще лежалъ на столѣ мертвымъ, то дунетъ, бывало, въ окно вѣтеръ, шевельнетъ покровъ на покойникѣ, такъ всѣ со страху и разбѣгутся, хотя нагайки уже всѣ благоразумно были упрятаны.

Вообще же воровство въ уѣздѣ было несравненно рѣже чѣмъ въ городахъ, такъ какъ вся полицейская власть сосредоточивалась въ рукахъ помѣщиковъ, хотя среди послѣднихъ въ то время бывали грустные случаи произвола и самодурства. Въ молодости я былъ страстнымъ охотникомъ какъ съ ружьемъ, такъ и съ собаками и любилъ въ охотѣ всегда пристраиваться къ старикамъ сосѣдямъ. И вотъ однажды осенью, стоя подъ островомъ со сворою борзыхъ, мнѣ пришлось чуть не перерѣзаться на ножахъ съ помѣщикомъ Ф—ъ, отнимая изъ рукъ его крѣпостныхъ борзятниковъ несчастнаго татарина, который, проѣзжая мимо острова, отогналъ нечаянно отъ Ф—ъ выходившую на опушку острова лисицу, за что, по приказанію этого помѣщика, татаринъ своей бритой головой былъ нѣсколько разъ погруженъ въ горячую золу, остававшуюся отъ потухшаго костра, у котораго во время отдыха грѣлись охотники. Другой не менѣе возмутительный случай, котораго я былъ свидѣтелемъ также на охотѣ, заключался въ томъ, что сосѣдъ мой, пожилой помѣщикъ деревни Сафаровки, разсерженный на крестьянина моей бабки, за то что, проходя мимо острова, помѣшалъ ему затравить лисицу, приказалъ своимъ псарямъ раздѣть его до нага и долго окунать безъ перерыва въ находившуюся близъ острова рѣчку, а затѣмъ, не довольствуясь этимъ, велѣлъ сѣчь его черезъ намоченный мѣшокъ арапельниками, дѣлая это до тѣхъ поръ, пока я не подъѣхалъ съ другой стороны острова и, поссорившись съ Г—мъ, не освободилъ измученнаго мужика. Впрочемъ оба эти помѣщика были извѣстны губерніи за самодуровъ и вообще людей отчаянныхъ. Послѣдній изъ нихъ, Г—ъ, полусѣдой брюнетъ, высокаго роста, широкоплечій, носилъ въ деревнѣ красную шелковую рубаху съ растегнутымъ воротомъ, изъ, подъ котораго виднѣлась мохнатая грудь; на плечи онъ накидывалъ длинный изъ тонкаго сукна кафтанъ, вмѣсто шароваръ надѣвалъ широкіе шелковые туманы, имѣя при томъ на головѣ въ три четверти вышины боярскую соболью шапку, а на ногахъ съ загнутыми носками туфли. Онъ носилъ запрещеные тогда дворянамъ длинные волосы и бороду, которые всегда были растрепаны. И моя вдовая бабушка, которая была его ближайшей сосѣдкой по имѣнію, на столько боялась Г—ва, что разъ на-всегда приказала людямъ запирать ставни, когда онъ проѣзжалъ мимо ея усадьбы. Г—въ выпивалъ на охотѣ въ день до 40 рюмокъ водки. Бывало проглотитъ сплюнетъ и.

ничѣмъ не закусывая, понюхаетъ только кусочекъ чернаго хлѣба. Изъ этихъ помѣщиковъ Г—въ даже былъ воспѣтъ тогда однимъ изъ доморощенныхъ поэтовъ, и ходившіе по рукамъ стихи характеризовали его такъ:

Сафаровъ трое сутокъ
Спиртуетъ свой желудокъ,
Но не пьянъ и свѣжъ, безъ шутокъ
Удивительно!
Одинъ старикъ Ванюха
Пройдетъ съ нимъ ухо-въ-ухо
Мать русская сивуха
Имъ пользительна!

Объ этихъ оригинальныхъ помѣщикахъ я упомяну еще, а теперь, продолжая разсказъ о существовавшихъ вообще въ то время порядкахъ, вернусь къ нѣкоторымъ выдающимся случаямъ въ мірѣ бывшей администраціи. Случаи эти особенно хорошо извѣстны мнѣ съ 1846 года, когда я впервые вступилъ на государственную службу въ канцелярію саратовскаго губернатора по уголовному столу. Губернаторомъ въ это время былъ Матвѣй Львовичъ Кожевниковъ. Ранѣе онъ, въ качествѣ казачьяго атамана, служилъ подъ начальствомъ Перовскаго и участвовалъ съ нимъ въ извѣстной Хивинской экспедиціи, а при назначеніи саратовскимъ губернаторомъ былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Гражданская форма заставила его по прежнимъ порядкамъ ходить съ бритыми усами, что къ нему крайне не шло, такъ какъ онъ не оставлялъ военной того времени прически съ высокимъ чубомъ и висками впередъ. Былъ онъ средняго роста и имѣлъ нѣсколько искривленныя въ сторону ноги отъ короткихъ казачьихъ стремянъ, но при всемъ этомъ былъ крайне симпатиченъ своимъ острымъ умомъ, хотя для административныхъ и поступавшихъ къ нему на разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ не имѣлъ достаточной подготовки. Поэтому бывшій при немъ правитель канцеляріи Дурасовъ пріобрѣлъ громадное вліяніе на дѣла губерніи и бывало даже такъ, что онъ не рѣдко требовалъ къ себѣ совѣтниковъ губернскаго правленія и даже секретаря дворянства, которые немедленно къ нему и являлись. Уголовнымъ столомъ завѣдывалъ помощникъ правителя канцеляріи, почтенный старичекъ, титулярный совѣтникъ Поповъ, не получившій никакого образованія и начавшій службу въ судебныхъ мѣстахъ съ подкопіиста, а подручнымъ переписчикомъ бумагъ за десять рублей въ мѣсяцъ былъ также нигдѣ не учившійся простой мѣщанинъ Шабалинъ,—которые главнымъ образомъ вмѣстѣ съ Дурасовымъ и вершали судебныя дѣла, представлявшіяся уголовной палатѣ и другія на разсмотрѣніе губернатора. За уголовнымъ столомъ вмѣстѣ со мной, безъ всякаго жалованья, занимались еще двое также молодыхъ дворянъ-помѣщиковъ и трое дворянъ, не имѣв-

шихъ помѣстій. Послѣдніе, продолжая гражданскую службу, дослужились до высшихъ чиновъ, и одинъ изъ нихъ, тайный совѣтникъ, еще недавно ушелъ изъ К. губернаторовъ. Мы же, предназначая себя для службы военной, только на всякій случай желали ознакомиться съ гражданскими дѣлами. Дурасовъ, не будучи самъ дворяниномъ, недружелюбно относился къ намъ и особенно ко мнѣ, возымѣвшему дерзость встрѣчать новый годъ въ дворянскомъ собраніи, а не у него, какъ всѣ прочіе чиновники. Вслѣдствіе этого даже губернаторъ Кожевниковъ, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ моими родными, часто поручалъ мнѣ заниматься дѣлами у него въ домѣ, почему мнѣ и пришлось узнать многія интересныя происшествія того времени и быть свидѣтелемъ курьезныхъ случаевъ.

Въ то время раскольники и вообще сектанты сильно преслѣдовались правительствомъ, и многочисленные старообрядческіе скиты въ заволжскихъ, принадлежащихъ тогда Саратовской губерніи, уѣздахъ, по рѣкѣ Иргизу, приказано было закрыть, для чего и были командированы чиновникъ особыхъ порученій Г. и становой приставъ. Оба они были люди бѣдные, и первый изъ нихъ происходилъ изъ купеческой семьи. Скиты эти были извѣстны богатствомъ утвари, но епархіальное начальство получило лишь только старинные образа безъ ризъ, и преданіе говоритъ, что богатство скитовъ перевозилось куда-то по ночамъ на лодкѣ черезъ рѣку, а главный исполнитель, дослужившійся впослѣдствіи до чина коллежскаго ассесора и выше, пріобрѣлъ большія вотчины въ одномъ изъ приволжскихъ уѣздовъ Саратовской губерніи. Преслѣдованія старообрядцевъ порождали тогда массу злоупотребленій со стороны чиновнаго люда, и на моихъ глазахъ жандармскій штабсъ-капитанъ фонъ-П., измысливъ для себя способъ наживы, явился къ извѣстному старообрядцу старику-купцу Гладкову и, застращавъ немедленнымъ арестомъ, вынудилъ у него крупную сумму денегъ и заставилъ насильно принять православіе. Впослѣдствіи это обнаружилось, и жандармскій офицеръ былъ преданъ суду.

Изъ числа записанныхъ мною убійствъ въ сороковыхъ годахъ, были болѣе выдающимися: убійство помѣщика при деревнѣ Быковкѣ, Саратовскаго уѣзда, Панкратова, задушеннаго любовницей и ея братьями изъ крѣпостныхъ; помѣщика Вольскаго уѣзда Жарскаго, найденнаго повѣшеннымъ на поперечникѣ подъ балкономъ верхняго этажа дома тоже крѣпостными; помѣщика Аткарскаго уѣзда Иванова, убитаго въ овражкѣ дубинкой по головѣ крѣпостнымъ мальчишкой-пастухомъ, во время проѣзда Иванова на бѣговыхъ дрожкахъ, и доселѣ не раскрыто убійство полковника Якубинскаго въ имѣніи молодаго помѣщика Петровскаго уѣзда. Корнетъ гвардіи У., незадолго передъ тѣмъ оставившій военную службу и жившій въ своихъ большихъ вотчинахъ со вдовой матерью, однажды осенью, какъ значится изъ моихъ замѣтокъ того вре-

мени, праздновалъ свои именины, къ которымъ съѣзжалась къ нему уѣздная интеллигенція въ лицѣ исправника Фокина, стряпчаго Кизо, женатаго на очень красивой женщинѣ, уѣзднаго врача Алексѣева и другихъ. Во время обѣда, происходившаго въ верхнемъ этажѣ, пиръ, какъ говорится, шелъ горой, на которомъ недоставало только его дяди, полковника Якубинскаго, куда-то въ это время уѣзжавшаго. Среди обѣда, явившійся крѣпостной камердинеръ У-ва что-то передалъ своему барину, послѣ чего У-въ, сойдя въ нижній этажъ дома и пробывъ тамъ нѣкоторое время, вернулся къ гостямъ и въ свою очередь что-то сказалъ врачу Алексѣеву, немедленно, затѣмъ также отправившемуся внизъ. Врачъ Алексѣевъ оставался тамъ довольно долго и, возвратясь съ растерянным видомъ, объявилъ, что полковникъ Якубинскій, пріѣхавшій во время обѣда больной, скоропостижно умеръ. Извѣстіе это ошеломило кутежную компанію, и, спустившись внизъ, она нашла полковника Якубинскаго уже обмытымъ и переодѣтымъ, почему исправникъ Фокинъ, стряпчій Кизо и уѣздный врачъ Алексѣевъ, какъ составлявшіе временное отдѣленіе нижняго земскаго суда, произвели о скоропостижной смерти Якубинскаго дознаніе и, составивъ о томъ актъ, разрѣшили безпрепятственно предать тѣло землѣ. Спустя нѣкоторое время камердинеръ У-ва былъ наказанъ за что-то розгами своимъ помѣщикомъ, донесъ губернатору о томъ, что полковникъ Якубинскій умеръ неестественной смертью, почему и было назначено слѣдствіе, которое по вырытіи изъ могилы Якубинскаго и вскрытіи его черепа обнаружило рану въ задней части его головы за ухомъ, и пуля найдена была засѣвшей въ мозгу, не пробивъ лба. Послѣ чего У-въ, Фокинъ, Кизо и Алексѣевъ были посажены въ тюрьму и, затѣмъ, по суду трое послѣднихъ сосланы были въ Сибирь, а У-въ, оставаясь въ подозрѣніи, отсидѣлъ въ тюрьмѣ около десяти лѣтъ. Служа въ то время въ канцеляріи губернатора, я видѣлъ представленные при слѣдственномъ дѣлѣ два маленькихъ, почти карманныхъ двуствольныхъ пистолета, стволъ на стволѣ, извѣстнаго мастера Беккера, причемъ одинъ изъ стволовъ былъ разряженъ, и пуля, найденная въ головѣ полковника Якубинскаго, была такой, какими оставались заряжены три остальныхъ ствола. Самые же пистолеты оказались принадлежащими полковнику Якубинскому.

Лѣтъ десять спустя послѣ этого я какъ-то былъ въ Кіевѣ и встрѣтилъ возвращавшіяся изъ Сибири семейства Кизо и Фокина. Они отъ страшной нищеты были въ ужасномъ положеніи и, лишившись мужей, со слезами проклинали врача Алексѣева, скрывшаго отъ нихъ, что смерть Якубинскаго была неестественной.

Вернусь теперь снова къ Кожевникову. Губернію онъ принялъ вскорѣ послѣ Фадѣева, человѣка мягкаго и мало обращавшаго вниманія на формалистику, почему многіе дворяне стали отпускать себѣ запре-

щенные въ то время для привилегированныхъ сословій длинные волосы и бороды, противъ чего Кожевниковъ началъ принимать крутыя мѣры. Передъ очереднымъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ Кожевниковъ просилъ губернскаго предводителя объявить дворянамъ, что длинныхъ волосъ и бородъ онъ не потерпитъ и что нарушители закона въ этомъ случаѣ будутъ на гауптвахтѣ обстрижены и выбриты на барабанѣ. Заявленіе это, конечно, возстановило противъ него дворянъ, и отношенія Кожевникова къ губернскому предводителю тутъ-же стали натянутыми, тѣмъ болѣе, что Кожевниковъ, принявъ губернію, сдѣлалъ визиты только предводителямъ, тогда какъ среди нашего дворянства было много почтенныхъ людей.

Послѣ этого, вскорѣ начались различныя демонстраціи: губернское собраніе Кожевникову пришлось открыть пустымъ, такъ какъ большинство дворянъ явились въ собраніе только тогда, когда онъ уѣхалъ домой. Недовольный этимъ и узнавъ, что въ числѣ отсутствовавшихъ въ собраніи былъ временно исправлявшій должность уѣзднаго предводителя Г., о которомъ я говорилъ выше, Кожевниковъ потребовалъ его къ себѣ.

Г. на другой же день явился съ той же длинной бородой и растрепанной шевелюрой, но однако же въ дворянскомъ мундирѣ. Въ это время я съ другимъ моимъ коллегой Щ. находился для занятій въ домѣ губернатора, въ сосѣдней съ залой комнатѣ. Увидѣвъ Г. въ первый разъ черезъ годъ послѣ моей съ нимъ ссоры, я къ нему не подходилъ, но по его раскраснѣвшемуся и безъ того багровому лицу и свирѣпымъ глазамъ не могъ не замѣтить, что онъ былъ въ сильномъ возбужденіи. Вскорѣ затѣмъ губернаторъ потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ, находившійся въ угловой комнатѣ за гостиной, гдѣ онъ первые годы имѣлъ обыкновеніе заниматься за конторкой, сидя верхомъ на серебряномъ, усыпанномъ кораллами и бирюзой, казачьемъ сѣдлѣ на высокой подставкѣ. Но не прошло и пяти минутъ какъ послышался какой-то шумъ отъ паденія и затѣмъ появившійся Г., поспѣшно уходя изъ дома, громко закричалъ своимъ хриплымъ басомъ находившимся въ передней жандарму и лакею: «скорѣй за докторомъ, губернатору дурно!» Жандармъ и лакей бросились за докторомъ, а мы въ кабинетъ губернатора, гдѣ и нашли Кожевникова только упавшимъ на полъ и старавшимся высвободить ногу изъ стремянъ. Кожевникову мы помогли встать, но всѣ прочія предложенія нашихъ услугъ онъ отклонилъ и отпустилъ насъ домой.

Когда же стремительно уходилъ Г., то намъ показалось, что у него изъ рукава что-то выглядывало. А черезъ нѣсколько дней на балу дворянства Кожевникову пришлось выслушать далеко не любезный отвѣтъ одного изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ Арефія Игнатьевича Кисе-

лева, которому губернскій предводитель Бахметьевъ, извѣстный скрипачъ и бывшій впослѣдствіи директоръ придворной капеллы, подойдя съ Кожевниковымъ, передалъ, что губернаторъ узнавъ, что Киселевъ хорошо играетъ на бильярдѣ, желалъ бы сыграть съ нимъ партію. Киселевъ, разсердившись отвѣтилъ: «Вы забываете, Николай Ивановичъ, что бильярдъ не скрипка, а кій не смычокъ, и я концертовъ на немъ не даю и кромѣ того съ людьми незнакомыми не играю!». Сказавъ это, Киселевъ отвернувшись ушелъ. Такой поступокъ повлекъ за собою весьма крупныя для Киселева непріятности, такъ какъ впослѣдствіи онъ былъ почему-то заподозрѣнъ въ массонствѣ и сочиненіи разныхъ пасквилей на губернскихъ властей, за что и былъ съ двумя жандармами отвезенъ въ Вятку. Но эта административная ссылка продолжалась весьма недолго, и послѣ нея Арефій Игнатьевичъ постоянно жилъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ, пока Кожевниковъ оставался саратовскимъ губернаторомъ. Киселевъ былъ родственникомъ любимцу императора Николая Павловича, министру государственныхъ имуществъ графу Киселеву, и едва-ли даже не приходился ему роднымъ дядей. Арефій Игнатьевичъ былъ большой оригиналъ, шутникъ и хлѣбосолъ, поэтому недостатка въ гостяхъ у него не было, какъ въ Саратовѣ, гдѣ онъ имѣлъ прекрасный домъ, такъ и въ деревнѣ. Бывшій ранѣе въ Саратовѣ преосвященный Іаковъ его очень любилъ и, объѣзжая эпархію, къ нему заѣзжалъ. Зная что Киселевъ былъ страстный охотникъ съ собаками, часто смѣясь укорялъ его въ безсердечности истребленія несчастныхъ зайчиковъ, которые при травлѣ ихъ собаками, какъ ему передавали, такъ жалостно кричатъ. И вотъ однажды осенью преосвященный Іаковъ посѣтилъ Киселева въ имѣніи, гдѣ рано утромъ, выйдя на балконъ, онъ услышалъ раздавшіеся въ горахъ, изъ близъ лежащаго лѣса какой-то странный концертъ и звуки трубъ. Не понимая что это было, преосвященный долго вслушивался. Когда же явившійся къ нему Киселевъ объяснилъ, что концертъ есть не что иное, какъ гоньба хорошо подобранныхъ голосами 60-ти гончихъ и что трубные звуки принадлежали псарямъ, дававшимъ знать, по какому звѣрю гончія гнали, то преосвященный былъ крайне удивленъ и, желая послушать ближе этотъ собачій концертъ, принялъ предложеніе Киселева подъѣхать къ лѣсу. Поѣздка была сдѣлана на охотничьихъ дрогахъ, на которыхъ преосвященный и оставался въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣса, не зная что кромѣ гончихъ были вокругъ лѣса разставлены и охотники съ борзыми. Наслаждаясь природой ранняго осенняго утра и слушая эти странные звуки, преосвященный вдругъ увидѣлъ спасающагося отъ борзыхъ собакъ бѣднаго измученнаго зайца. Онъ до такой степени проникся жалостью къ этому несчастному звѣрьку, что, желая спасти его, соскочилъ съ дрогъ и, пробѣжавъ нѣсколько ша-

говъ, хотѣлъ его поймать въ рясу, и опомнился только тогда, когда увидѣлъ Киселева, скачущаго къ нему верхомъ. Преосвященный часто объ этомъ разсказывалъ, добавляя смѣясь, что шутникъ Киселевъ заставилъ и его ловить зайцевъ.

Іаковъ былъ извѣстенъ своей строго-подвижнической жизнью. Жилъ онъ въ Саратовѣ въ небольшомъ одноэтажномъ, выходившемъ на Царицынскую улицу, деревянномъ домикѣ, при вполнѣ монашеской обстановкѣ, гдѣ въ его крошечной безъ оконъ спальнѣ лежалъ на деревянной кроваткѣ пуховичекъ и подушка, которые онъ на ночь всегда снималъ и спалъ на голыхъ доскахъ. Іаковъ впослѣдствіи обладалъ прозорливостью, и когда его перевели архіепископомъ въ Нижній-Новгородъ, былъ такой случай: въ холеру 1847 года проѣзжала изъ Петербурга черезъ Нижній одна хорошо извѣстная ему саратовская дворянка Рылѣева, пожертвовавшая свои дома саратовскому женскому монастырю. Въ Нижнемъ она была у преосвященнаго, который благословивъ отдалъ ей какую-то маленькую посылочку на имя ея сестры. Но Рылѣева по случаю праздника осталась еще на одинъ день въ Нижнемъ, чтобы отстоять архіерейскую службу. Увидя ее подъ конецъ обѣдни, когда она подошла подъ благословеніе, Іаковъ настойчиво и озабоченно сказалъ ей, чтобы она торопилась домой, что ее крайне удивило. Возвратясь же въ Саратовъ, послѣ семидневной ѣзды на почтовыхъ, Рылѣева нашла свою сестру умершей уже третій день. И по вскрытіи посылки преосвященнаго Іакова оказались молитва и вѣнчикъ, которые кладутся на покойниковъ и предназначавшіеся этой умершей. Преосвященный Іаковъ послѣдніе годы своей жизни, присутствуя въ Синодѣ, скончался въ Петербургѣ.

Въ сороковыхъ годахъ въ Саратовѣ проживало много сосланныхъ поляковъ, изъ числа которыхъ были особенно выдающимися старикъ Грелатъ и графъ Потоцкій, владѣтель Тульчина. Потоцкій, располагая громадными средствами, жилъ въ Саратовѣ очень скромно и позволялъ себѣ только одно удовольствіе, вполнѣ гастрономическій столъ. Онъ былъ удрученъ своей ссылкой, о чемъ часто говорилъ и завѣрялъ о своей преданности государю, видимо избѣгая сближенія съ находившимися въ Саратовѣ земляками. Но несмотря на это не могъ ничего придумать для облегченія своего положенія. И вотъ, однажды, губернаторъ Кожевниковъ получаетъ изъ третьяго отдѣленія извѣщеніе о существованіи въ Саратовѣ тайнаго общества, называя главными членами его трехъ пожилыхъ помѣщиковъ—Н. Н. Аничкова, П. А. Жарскаго и А. Д. Горбунова, которые извѣстны были губерніи не только за самыхъ благонадежныхъ, но и настолько боязливо-осторожныхъ людей, что они избѣгали даже вести знакомство съ тѣми дворянами, которые носили запрещенныя бороды. Кожевниковъ, объяснивъ въ своемъ от-

вѣтѣ шефу жандармовъ личности этихъ дворянъ, добавилъ въ заключеніе, что доносъ на указанныхъ лицъ есть не что иное какъ злая шутка. Доносъ объ этомъ, какъ оказалось, принадлежалъ Потоцкому, который вскорѣ за тѣмъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, гдѣ и разъяснилась эта курьезная исторія. Дѣло было такъ: у графа Потоцкаго въ числѣ дворянской молодежи не рѣдко бывалъ сынъ бывшаго ранѣе саратовскаго губернатора Ростиславъ Фадѣевъ, который послѣ перемѣщенія его отца въ Тифлисъ долго оставался въ Саратовѣ. Однажды, Фадѣевъ вмѣстѣ съ Потоцкимъ были въ нѣмецкомъ клубѣ, помѣщавшемся тогда на Никольской улицѣ, въ скромномъ деревянномъ домикѣ Франца Ивановича Штейна, и вотъ, выслушивая обычныя сѣтованія Потоцкаго на свое положеніе, онъ посовѣтовалъ ему доказать свою преданность правительству открытіемъ какого нибудь заговора, на что Потоцкій съ горячностью возразилъ: «да гдѣ же я его возьму». Тогда большой шалунъ Фадѣевъ указалъ на отдѣльную сосѣднюю комнатку, гдѣ ежедневно собирались поиграть въ карты трое упомянутыхъ помѣщиковъ, которыхъ онъ, какъ всѣ другіе, прекрасно зналъ за людей безукоризненныхъ въ политическомъ отношеніи, почему шутя и сказалъ: «Развѣ вы не замѣчаете, что эти трое всегда уединяются, таинственно удаляясь въ отдѣльную комнату; навѣрное дѣло тутъ не ладно!» Потоцкій, принявъ все за чистую монету, возьми да и напиши на нихъ доносъ. Обо всемъ этомъ было доложено государю, и Николай Павловичъ, какъ говорятъ, хотя и не мало смѣялся этой выдумкѣ Фадѣева, но все-таки, узнавъ что онъ находился въ это время въ Петербургѣ, приказалъ его выслать изъ столицы. Графъ-же Потоцкій былъ помилованъ и ему разрѣшили вернуться на родину.

Ростиславъ Фадѣевъ находился въ Саратовѣ нѣсколько лѣтъ, гдѣ также въ это время жила его сестра, извѣстная писательница подъ псевдонимомъ Зинаиды Р., произведенія которой «Утбала», «Перекати поле» и проч. съ интересомъ читались русскимъ обществомъ. Дочь же ее, юную и очаровательную Елену Ганъ я нерѣдко встрѣчалъ у моего сосѣда по деревнѣ Бера. Фадѣевъ былъ душою общества при кутежахъ молодежи, на пикникахъ и различныхъ загородныхъ катаньяхъ. Тогда Саратовъ въ зимнее время былъ полонъ съѣзжавшимися изъ своихъ помѣстій дворянствомъ, которое послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ однообразной деревенской жизни старалось вознаградить себя городскими развлеченіями. Театры, балы и маскарады въ дворянскомъ собраніи, домашніе спектакли и семейные вечера шли одно за другимъ, но однимъ изъ самыхъ любимыхъ развлеченій были загородныя катанья. Помню, какъ бывало соберется троекъ двадцать, одна лучше другой, въ щегольской упряжи съ серебряными бубенцами и въ большихъ семейныхъ саняхъ. Сколько молодости и веселья несли съ собой эти тройки. Ка-

танья эти сближали влюбленную молодежь и не рѣдко кончались свадьбами; но при быстрой ѣздѣ бывали, конечно, и печальные случаи. Въ одно изъ такихъ катаній Фадѣевъ съ юнымъ гусаромъ Новиковымъ, догоняя поѣздъ, мчались съ бѣдовой вдовушкой бальзаковскаго возраста, при чемъ сани, застегнутыя медвѣжьей полостью, опрокинулись въ ухабѣ, кучеръ вылетѣлъ съ козелъ и сѣдоковъ несли лошади до тѣхъ поръ пока доскакали до передней тройки. Результатомъ этого былъ переломъ руки у вдовушки, которая потомъ хотя и вышла замужъ за Новикова, но до конца жизни сохранила нѣжную привязанность къ Ростиславу Фадѣеву. Тридцать лѣтъ спустя мнѣ, по должности губернскаго предводителя, пришлось вмѣстѣ съ губернаторомъ Г. Врас.... и прочимъ составомъ губернскаго правленія свидѣтельствовать на дому уже разбитую параличемъ вдовую старуху г-жу Новикову, вслѣдствіе поданнаго ея дочерью фонъ-Бригиной заявленія о томъ, что ее мать, лишившись разсудка, растрачиваетъ свое богатое состояніе, объясняя что двѣ приживалки Новиковой и ея дворецкій, слыша постоянно отъ своей госпожи разсказы о ея любви къ Фадѣеву и пользуясь ея дряхлостью и потерей зрѣнія, придумали подавать ей подложныя, какъ-бы получаемыя съ почты отъ Фадѣева, письма, въ отвѣтъ на которыя старуха Новикова черезъ тѣхъ же людей отправляла къ нему ежегодно по нѣсколько тысячъ. По освидѣтельствованіи Новиковой однако же она сумасшедшей не оказалась и объявила, что не считаетъ себя обязанной давать кому либо отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ извѣстно, Ростиславъ Фадѣевъ впослѣдствіи дослужился до генеральскихъ чиновъ и былъ военнымъ писателемъ, которому принадлежалъ и извѣстный проектъ о перевооруженіи русскихъ войскъ.

Дворянство того времени какъ и вообще до крестьянской эмансипаціи, несмотря на крайнюю дешевизну сельскихъ продуктовъ,—продававшихся: рожь, напримѣръ, по 10 коп. за пудъ, а овесъ по 40 коп. за четверть,—жило въ большомъ избыткѣ средствъ, что слѣдуетъ отнести къ даровой обработкѣ земли крѣпостными крестьянами. По залогу-же имѣній въ приказѣ общественнаго призрѣнія или опекунскомъ совѣтѣ взимался крайне незначительный процентъ. Кромѣ того, поѣздки въ столицы были очень затруднительны, такъ какъ до 1846 г. даже и до самаго Петербурга приходилось ѣздить на почтовыхъ, а путешествіе за границу было тогда доступно лишь очень не многимъ, почему волей-неволей деньги приходилось тратить только въ своемъ углу. Корнеты же Отлетаевы хотя и существовали, но все-же какъ рѣдкое исключеніе, и я до эмансипаціи зналъ въ нашей губерніи только одного разорившагося такимъ образомъ помѣщика Рославлева, и то въ сороковыхъ годахъ уже старикомъ. Левъ Яковлевичъ Рославлевъ былъ человѣкомъ хорошо образованнымъ и знавшимъ нѣсколько иностранныхъ

языковъ, а жена его принадлежала къ лучшей дворянской фамиліи. У Льва Яковлевича было около двухъ тысячъ душъ крестьянъ, которыхъ онъ прожилъ и преимущественно проигралъ въ карты еще въ тридцатыхъ годахъ; а такъ какъ значительная часть его вотчинъ перешла къ извѣстному саратовскому помѣщику А. А. Столыпину, то сей послѣдній и содержалъ Рославлева до самой его смерти, отпуская необходимую ежемѣсячную для него и его прислуги провизію и выдавая Рославлеву на карманные расходы 50 коп. въ день.

Въ моемъ семействѣ до сихъ поръ живетъ бывшая крѣпостная фрейлина жены Рославлева, нѣкто Винокурова; теперь ей за девяносто лѣтъ, несмотря на которые она не только сохранила разсудокъ и память, но даже зубы и зрѣніе и до сихъ поръ ходитъ изъ деревни пѣшкомъ въ село за пять верстъ къ обѣднѣ. Винокурова была моей матушкой взята мнѣ въ няньки въ 1830 году, бывъ хорошо грамотной, когда даже и многія помѣщицы не умѣли читать и писать. И вотъ она разсказывала въ подробностяхъ о жизни Льва Яковлевича Рославлева. Въ каждой деревнѣ у него были барскіе дома. Въ одной изъ нихъ жила жена съ полнымъ штатомъ; тутъ и компаньонка англичанка и живописецъ-итальянецъ и поваръ-французъ и много много другихъ. Самъ Рославлевъ посидитъ съ недѣльку съ женой, да и поѣдетъ по другимъ деревнямъ, гдѣ у него большею частью штатъ былъ женскій. Когда-же отправлялъ жену на воды, тогда гостей съѣзжалось къ нему тьма тьмущая и первые являлись гусары изъ стоявшаго въ то время въ Саратовѣ полка, и тутъ шла азартная игра въ карты, въ которой онъ проигрывалъ крестьянъ то на выводъ, то съ землей. Когда же очень раскутятся, преимущественно послѣ псовой охоты, то затѣвали разныя представленія въ полунагомъ видѣ верхомъ на лошадяхъ въ залѣ, похожія по ея описанію на аѳинскіе вечера. Но все это продолжалось до тѣхъ поръ, конечно, пока не возвращалась его жена. Тогда начнутъ они бывало вмѣстѣ плакать, обдѣляя проигранныхъ крестьянъ деньгами и разными подарками, такъ какъ въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ онъ жестокимъ не былъ, но только особенно любилъ женскій полъ, вслѣдствіе чего Винокурова, въ отсутствіе жены, и поплатилась горькой участью. Винокурова, какъ видно изъ ея портрета масляными красками работы живописца Рославлевыхъ, была очень хороша собой, и Левъ Яковлевичъ за ней сильно пріударилъ, но такъ какъ она не только не подчинилась въ данномъ случаѣ помѣщику, но и передала о томъ его женѣ, то Рославлевъ при первомъ затѣмъ отъѣздѣ жены приказалъ управляющему отдать Винокурову замужъ за дурака крестьянина, ходившаго лѣтомъ и зимой босикомъ и въ одной рубахѣ. Управляющій, пожалѣвъ ее, выдалъ за другаго не столь глупаго, что крайне раздражило Льва Яковлевича, который и приказалъ, чтобы мужъ Винокуровой въ тотъ же день былъ отвезенъ

въ губернскій городъ и сданъ въ солдаты. Затѣмъ Винокурова въ слезахъ, не разсмотрѣвшая даже хорошенько своего мужа, впервые увидѣла его чрезъ 28 лѣтъ, по выходѣ въ отставку изъ службы на Кавказѣ.

Подобные возмутительные случаи были очень рѣдки, да вообще если и существовало жестокое обращеніе съ крѣпостными, то почти всегда только у тѣхъ помѣщиковъ, которые сами не жили въ своихъ вотчинахъ и предоставляли управленіе ими нѣмцамъ и полякамъ, или же у выслужившихся изъ ничтожества дворянъ. Такъ какъ до 1847 г. давалъ права потомственнаго дворянства не только чинъ коллежскаго ассесора, но и первый военный офицерскій чинъ, то бывшій крѣпостной крестьянинъ, дослужившись до прапорщика, поступалъ за тѣмъ на гражданскую службу и пріобрѣталъ себѣ крестьянъ. По крайней мѣрѣ я на моемъ вѣку не знаю еще ни одного выдающагося случая жестокости настоящихъ коренныхъ помѣщиковъ, и убійства упомянутыхъ мною выше первыхъ двухъ помѣщиковъ произведены были съ цѣлью грабежа, а третій палъ жертвой полуидіота-пастуха. Что же касается разсказанныхъ мною безобразій на охотѣ, то охотничій азартъ доходилъ въ старыя времена до невѣроятныхъ вольностей даже крѣпостныхъ охотниковъ относительно своихъ помѣщиковъ. Я помню, какъ за извѣстнымъ крупнымъ саратовскимъ помѣщикомъ старикомъ С. на моихъ глазахъ гнался съ арапельникомъ его псарь, и помѣщикъ насилу отъ него ускакалъ. Вечеромъ же когда начались обычные разсказы его гостей охотниковъ, и псарь былъ вызванъ для совѣта касательно охоты слѣдующаго дня, то старикъ не только не сдѣлалъ псарю никакого выговора, а напротивъ, началъ передъ нимъ оправдываться.

— Что ты, дуракъ, говорилъ онъ, разлетѣлся на меня! вѣдь волкъ запалъ въ бурьянникъ, ну, собаки то и пронеслись. Чѣмъ же я виноватъ тутъ? а ты выпучилъ глаза, да и драться лѣзешь.

На это псарь съ укоризной отвѣтилъ:

— Помилуйте, А. А., вѣдь я два раза въ рогъ голосъ подавалъ и всей стаей гончихъ волка вамъ на опушку вывелъ, борзыя даже у васъ на дыбкахъ стояли, а вы закустились въ перемычкѣ да и дремлете.

— Ну врешь, врешь, дуракъ! смѣялся С.

Относительно же выслужившихся коллежскихъ ассесоровъ я для иллюстраціи упомяну нѣкоего Ч.....аго, который, ранѣе служа казначеемъ, былъ подъ судомъ за то, что кладовую въ казначействѣ подломали и выкрали деньги. Когда-же при обыскѣ его дома кому-то пришла остроумная мысль заглянуть въ цвѣточные на окнахъ горшки, то по разрытіи ихъ нашли подъ землей кучи червонцевъ, по поводу которыхъ жена его подъ колокольнымъ звономъ дала въ церкви при массѣ народа клятву, что нажила эти деньги въ молодости своей красотой. Послѣ чего Ч.....ій, выкарабкавшись кое-какъ изъ-подъ суда, вышелъ

въ отставку, купилъ близъ г. Саратова земельный участокъ и занялся тѣмъ, что завязалъ сношенія съ управляющими имѣній крупныхъ помѣщиковъ, которые въ нихъ никогда не заглядывали, и скупалъ крестьянскихъ дѣтей-сиротъ; выращивалъ ихъ у себя и, по достиженіи извѣстнаго возраста, продавалъ дѣвокъ въ замужество для крестьянъ, а мужчинъ ставилъ внѣ очередь въ рекруты или представлялъ въ распоряженіе правительства для заселенія Сибири, за что казна тогда выдавала по 300 рублей за человѣка.

Въ 1848 году я оставилъ гражданскую службу и затѣмъ, поступивъ въ войска Кавказской арміи, пріѣзжалъ въ Саратовъ въ 1851 году уже офицеромъ, находясь въ отпуску послѣ тяжелой раны. Кожевникова я засталъ еще губернаторомъ, но сильно измѣнившимся во всѣхъ отношеніяхъ. За этотъ періодъ времени онъ не только усвоилъ себѣ всѣ обязанности губернатора, но и узналъ людей, почему какъ правитель канцеляріи такъ и многіе прежніе чиновники были замѣнены другими. Отношенія его къ дворянству значительно улучшились, такъ что изъ среды послѣднихъ и преимущественно людей почтенныхъ можно было назвать многихъ дружески къ нему расположенныхъ. Но къ сожалѣнію въ это время у Кожевникова уже шли серьезные недоразумѣнія съ преосвященнымъ Афанасіемъ, которыя возникли вслѣдствіе того, что Афанасій, не давъ знать, какъ слѣдовало, ни губернатору, ни полиціи, распорядился поднятіемъ колокола у вновь выстроенной церкви Михаила-Архангела, послѣ обѣдни, которую онъ тамъ служилъ. Почему, когда собралась по этому случаю толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и это было доложено Кожевникову, то онъ приказалъ народъ разогнать, затруднивъ такимъ образомъ поднятіе колокола. По поводу этого случая впослѣдствіи много говорилось въ печати, и даже нѣкоторые завѣряли, что преосвященный Афанасій будто бы офиціальной бумагой отлучилъ губернатора Кожевникова отъ церкви. Но ничего подобнаго, конечно, не было и этотъ слухъ возникъ изъ того, что Афанасій въ своихъ сѣтованіяхъ за распоряженіе Кожевникова высказалъ ему въ письмѣ, что подобныхъ вещей не рѣшится сдѣлать не только православный человѣкъ, но и вообще христіанинъ, почему онъ и затрудняется считать Кожевникова членомъ своей паствы. Недоразумѣнія эти обострились до такой степени, что преосвященный Афанасій, хотя и архіепископомъ, но былъ переведенъ въ Астрахань, а Кожевниковъ, спустя нѣкоторое время, вовсе оставилъ службу, доживая свой вѣкъ стараго холостяка въ небольшемъ имѣніи у своей сестры. Кожевниковъ, несмотря на былые времена, когда существовали винные откупа, оставилъ Саратовъ не имѣя положительно ни копейки въ карманѣ, и саратовцы и особенно откупщики всегда вспоминали его какъ одного изъ самыхъ честнѣйшихъ людей.

В. А. Шомпулевъ.

Страничка изъ прошлаго (Маіоратъ).

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Въ 1853 году какъ-то лѣтомъ я гостилъ въ дер. Новополье у семейства бывшаго уѣзднаго предводителя, Ч—кина, которое меня всегда любило и къ которому, въ свою очередь, я былъ очень привязанъ.

Овдовѣвшая не задолго передъ тѣмъ А. Н. Ч—на осталась съ довольно многочисленнымъ семействомъ, а такъ какъ она была чрезвычайно гостепріимна и радушна, то у нихъ почти всегда собиралось большое общество. Дочки у нея были прехорошенькія, а одна изъ нихъ, Елизавета Николаевна, вышедшая замужъ за московскаго богача лейбъ-гусара, слыла даже красавицей чуть не на всю Россію и на этотъ разъ жила также у матери. Это привлекало къ нимъ въ домъ много поклонниковъ и вздыхателей; а въ этотъ пріѣздъ мой къ тому же еще праздновалось рожденіе четвертой дочери Екатерины Николаевны, которой исполнилось 16 лѣтъ [1]); гостей было болѣе обыкновеннаго, и въ числѣ ихъ были уже претенденты на руку новорожденной. Изъ нихъ особенно обращали мое вниманіе пріѣхавшій изъ Пензы ея кузенъ Ш., ожидавшій со дня на день камеръ-юнкерскаго званія, и другой, молодой помѣщикъ также изъ штатскихъ Б—евъ. Послѣдній пріѣхалъ изъ своего имѣнія за 100 верстъ на тройкѣ лихихъ коней съ серебряными бубенцами и привелъ съ собою пару верховыхъ лошадей, въ разсчетѣ устроить кавалькаду и показать свою удаль наѣздника.

День этотъ съ утра благопріятствовалъ прогулкѣ, почему и устроилось

---

[1]) Впослѣдствіи была замужемъ за сыномъ президента Швейцарской республики.

катанье, какъ на тройкѣ Б—ва, которой онъ самъ сначала правилъ, такъ и верхами. На обратномъ пути, желая объясниться съ новорожденной, которая ѣхала со мной верхомъ, Б—въ предложилъ мнѣ помѣняться съ нимъ мѣстами. Я сѣлъ на козла, а онъ верхомъ, но, на его бѣду, лошадь моя была съ мундштукомъ, съ которымъ онъ ѣздить не привыкъ, и начала выдѣлывать такіе аллюры, что онъ не выдержалъ и слетѣлъ. Послѣ чего осѣдланная лошадь одна ускакала домой, а Б—въ, слегка прихрамывая съ разорваннымъ платьемъ на ногахъ, перебрался къ намъ въ линейку, гдѣ веселое общество потѣснившись усадило его съ собой.

Продолжать прогулку послѣ этого не представлялось удобнымъ, тѣмъ болѣе, что Б—въ жаловался на боль ноги, почему мы и вернулись домой, гдѣ на террасѣ насъ встрѣтила хозяйка дома съ дѣтьми и прелестная Елизавета Николаевна съ молодымъ вице-губернаторомъ, моимъ товарищемъ дѣтства, съ которымъ мы вмѣстѣ пріѣхали изъ города. Разспросамъ и сожалѣнію о случившемся не было конца, хотя на лицахъ мужчинъ не могла скрыться насмѣшливая мина на счетъ богатаго жениха-наѣздника.

Вскорѣ погода начала мѣняться, надвигались тучи и когда гости заняли мѣста за обѣденнымъ столомъ, раздался первый раскатъ грома. Хозяйка, боявшаяся грозы, поспѣшила уйти въ сосѣднюю комнату, гдѣ, по обыкновенію, въ этихъ случаяхъ окна всегда запирались ставнями и она, ложась на диванъ, закрывала свою голову подушкой, а одна изъ дочерей, сидя около, старалась ее успокоить. Въ отсутствіи ея, оставшаяся за столомъ молодежь шутила на этотъ счетъ и особенно оба обожателя новорожденной, ея кузенъ и Б—въ, которые сидѣли съ новорожденной рядомъ. Кузенъ насмѣшливо увѣрялъ, что это Илья пророкъ упалъ съ лошади, а Б—въ, что на небѣ разыгрались въ кегли. Эти насмѣшки я считалъ неумѣстными и потому разсказалъ случай, котораго я былъ свидѣтель во время моей службы на Кавказѣ, гдѣ въ крѣпости Грозной, въ маленькомъ ресторанѣ, во время игры на бильярдѣ двоихъ офицеровъ, одинъ изъ нихъ также во время грозы вздумалъ поглумиться, сказавъ, что Илья пророкъ тоже катаетъ шары на бильярдѣ, но едва онъ успѣлъ это сказать, какъ въ тотъ же моментъ, на моихъ глазахъ, молнія убила его на мѣстѣ, и огненный шаръ, облетѣвъ залъ и расплавивъ металлическія заслонки, разрушилъ печь. Въ моментъ этого разсказа раздался сильный ударъ грома и затѣмъ порывомъ вѣтра уронило, вставленную отъ комаровъ въ окно, большую сѣтку, которая упала на головы сидѣвшихъ ближе къ этому окну; это неожиданное обстоятельство, подъ впечатлѣніемъ разсказа, произвело сильный переполохъ. Когда же все успокоилось, то за столомъ не оказалось ни кузена, ни Б—ва: они оба очутились подъ столомъ, откуда одинъ съ разбитыми очками вылѣзалъ на четверенькахъ, а другаго пришлось вытаски-

вать лакеямъ, потому что скатерть была завязана по угламъ, а Б—въ былъ порядочнаго роста и коренастый. Раздался гомерическій хохотъ. Этотъ казусъ нѣсколько охладилъ пылъ влюбленныхъ претендентовъ и въ продолженіе остальнаго дня былъ предметомъ множества пересудовъ на счетъ Б—ва, который считался однимъ изъ выгодныхъ жениховъ. Кумушки судачили, что у Б—ва ровно ничего нѣтъ, такъ какъ все имѣніе, обращенное его покойнымъ отцомъ въ маіоратъ, принадлежитъ старшему брату и что онъ, второй, живетъ только средствами своей матери, которая ежегодно гоняетъ въ Петербургъ не одну тысячу индѣекъ, подковывая ихъ лапы налѣпленнымъ варомъ и слѣдуя сама за ними на своихъ лошадяхъ до столицы.

Прошло послѣ этого 18-ть лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Б—въ какъ бы канулъ въ воду, но затѣмъ впервые явился очень богатымъ человѣкомъ на одно изъ общественныхъ собраній; въ этотъ разъ его уже съ трудомъ можно было узнать: истый брюнетъ, онъ значительно посѣдѣлъ, его сизо-багровый приплюснутый носъ, мясистыя губы, нарумяненныя щеки, при одутловатой физіономіи производили непріятное впечатлѣніе, и несмотря на то, что ему было только 45-ть лѣтъ, походка его была ужасно странная—свои толстыя ноги онъ какъ-то съ трудомъ передвигалъ и руки мотались какъ параличныя; но это не мѣшало ему въ антрактахъ собранія кормить въ буфетѣ кого ему было нужно и угощать шампанскимъ, а подъ конецъ собранія получить видное положеніе.

Губернаторомъ въ это время у насъ былъ князь Г—нъ, аристократъ въ полномъ смыслѣ слова. Держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, ограничивая знакомства для своей семьи только людьми почтенными, молодежь же совсѣмъ не имѣла доступа къ нему въ домъ, кромѣ какъ на даваемые имъ балы, изъ чего можно было заключить, что для своихъ красавицъ дочерей онъ не желалъ находить партіи въ провинціи. Б—въ, имѣя возможность изрѣдка бывать въ семействѣ губернатора, задался цѣлью обратить на себя вниманіе старшей дочери князя, любимицы своего дѣдушки, который въ это время занималъ по службѣ первенствующее мѣсто въ государствѣ; а такъ какъ княгиня была менѣе горда и притязательна, то Б—въ и вообразилъ, что ухаживанья его будутъ ненапрасны, и онъ началъ сравнительно часто посѣщать княжескую семью по вечерамъ, какъ jeune-premier, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Я былъ въ то время уѣзднымъ предводителемъ дворянства и, часто исправляя должность предводителя губернскаго, сошелся съ семействомъ Г—ныхъ и, пользуясь дружескими отношеніями князя-губернатора, бывалъ тамъ почти каждый день, гдѣ нерѣдко меня ожидали къ роскошному обѣду, такъ какъ князь Г—инъ имѣлъ у себя лучшаго повара изъ Московскаго Англійскаго клуба и за столъ подавались всегда самыя дорогія вина.

Послѣ обѣда мы съ княземъ уходили въ его кабинетъ, гдѣ онъ

дѣлился со мной своими проектами, а княгиня съ пятью красавицами дочерьми по вечерамъ принимала на своей половинѣ дамское общество, среди котораго изрѣдка появлялось нѣсколько солидныхъ мужчинъ и между ними иногда Б—въ.

Онъ въ это время уже совсѣмъ основался въ губернскомъ городѣ, купилъ домъ, завелъ прекрасную оранжерею и хорошій выѣздъ, и, упорно стремясь достичь намѣченной цѣли—жениться на красавицѣ-княжнѣ Г—ной, являлся даже къ ней съ букетами цвѣтовъ. Князь никогда въ это время не заходилъ на половину своей жены, оставаясь въ своемъ кабинетѣ, гдѣ принималъ также нѣкоторыхъ изъ мужчинъ, почему объ ухаживаньи Б—ва мы узнавали отъ княжеской семьи лишь послѣ разъѣзда гостей.

Получивъ хорошее домашнее образованіе, ухаживатель зналъ иностранные языки и хорошо игралъ на фортепіано, но, несмотря на это, всегда упорно отказывался сѣсть за рояль, опасаясь обнаружить тщательно скрываемую имъ свою болѣзненную сонливость, которая являлась каждый разъ при игрѣ или чтеніи, при чемъ, послѣ этого, онъ подъ разными предлогами всегда поспѣшно выходилъ въ переднюю и дѣлалъ себѣ подкожное вспрыскиваніе морфіемъ. Болѣзнь разслабленнаго Б—ва была хорошо извѣстна обществу, и слухи о ней уже начали доходить до семейства Г—ныхъ, почему, чтобы удостовѣрить ихъ въ этомъ, я и предложилъ имъ устроить литературные вечера. И вотъ въ первый же такой вечеръ едва одна изъ княженъ начала читать, какъ раздался довольно громкій храпъ сидѣвшаго въ креслѣ Б—ва; всѣ засмѣялись, и чтеніе остановилось, тогда претендентъ открылъ глаза и, сконфузившись, началъ увѣрять дамское общество, что очень утомленъ дѣловыми занятіями, за которыми ему пришлось провести нѣсколько послѣднихъ ночей. Когда послѣ этого нѣкоторые изъ гостей предложили продолжать чтеніе, то хозяйка отклонила это, а Б—въ, считая меня виновникомъ своего смѣшнаго положенія, смущенный уѣхалъ домой. Но это однако не помѣшало ему послѣ одного изъ великолѣпныхъ баловъ у Г—ныхъ сдѣлать предложеніе княжнѣ. Какъ теперь помню этотъ балъ, во время котораго, нарумяненный и особенно приглаженный Б—въ танцовалъ contre-danse съ княжной Méri, которая съ улыбкой выслушивала его горячее признанье. Руки Б—ва въ этотъ разъ какъ-то еще болѣе болтались и бо́льшаго контраста между ними нельзя было и придумать,—то были Квазимодо и Эсмеральда. Балъ кончился, общество разъѣхалось, но князь и княгиня, отправивъ дочерей на покой въ нижній этажъ дома, удержали меня и, передавъ о сдѣланномъ Б—мъ предложеніи ихъ дочери, просили меня, какъ друга дома, высказать по этому поводу свое мнѣніе. Конечно, я не могъ сочувствовать этому неравному браку, о чемъ откровенно и высказался. Князь, обрадовавшись такой поддержкѣ съ моей стороны, объяснилъ, что былъ увѣренъ

въ этомъ отвѣтѣ, такъ какъ не можетъ предположить, чтобы его дочь могла соединить свою жизнь съ такой разбитой балалайкой, какъ Б—въ. Но княгиня, видимо недовольная нашимъ рѣзкимъ мнѣніемъ, торопливо простилась и ушла на свою половину. Вскорѣ затѣмъ Б—въ оффиціально просилъ у князя руки его дочери и получилъ отказъ, послѣ котораго князь началъ наводить о немъ справки, такъ какъ стали ходить слухи о какой-то темной исторіи въ прошломъ Б—ва.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и съ наступленіемъ весны я уѣхалъ въ свое подгородное имѣніе, въ которомъ княжеская семья предполагала провести лѣто, но черезъ нѣсколько времени получилъ увѣдомленіе князя, что вслѣдствіе развивающейся его болѣзни онъ, для совѣта съ врачами, отправляется въ Петербургъ, почему и желалъ бы со мной проститься. Конечно, я поспѣшилъ пріѣздомъ въ Саратовъ и засталъ княжескую семью уже на загородной губернаторской дачѣ. Княгиня, относившаяся ко мнѣ съ послѣдняго бала нѣсколько холодно, тутъ встрѣтила меня особенно радушно, и я услышалъ отъ князя удивительную исторію.

Справки князя о Б—вѣ привели къ неожиданнымъ результатамъ—оказалось, что старшій братъ его, владѣвшій маіоратомъ, умеръ 20-ть лѣтъ передъ этимъ неестественной смертью при довольно подозрительной обстановкѣ,—трупъ его былъ найденъ въ окрестностяхъ Пятигорска,—гдѣ онъ въ степи лежалъ съ прострѣленной грудью и выклеванными глазами, при чемъ слѣдъ крови показывалъ, что онъ, бывъ тяжело раненъ пулей, истекая кровью, проползъ нѣсколько сотъ саженъ отъ опушки лѣса, и на трупѣ его сидѣла стая орловъ. Слѣдствіемъ въ свое время не могла быть выяснена причина этого ужаснаго случая, но держался упорный слухъ, что владѣлецъ маіората, находясь въ Пятигорскѣ съ своимъ братомъ, поссорился за картами съ какимъ-то офицеромъ, послѣдствіемъ чего была дуэль безъ свидѣтелей и безъ доктора и что оба брата передъ этимъ происшествіемъ ѣздили куда-то за городъ безъ кучера съ какимъ-то военнымъ. Послѣ же этой исторіи Б—въ, уѣхавъ поспѣшно за границу, прожилъ тамъ безвыѣздно болѣе десяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ дѣло это кануло въ воду, и Б—въ сдѣлался богатымъ владѣльцемъ имѣнія брата.

— Какой возмутительный случай,—сказалъ я князю,—и ужели Б—въ могъ бросить раненаго брата на произволъ судьбы?

— Да,—отвѣтилъ князь,—и къ тому же, какъ мнѣ передано, рана брата будто бы была не смертельна, такъ какъ иначе онъ не могъ бы проползти такое большое разстояніе, и умеръ онъ, вѣроятно, обезсиленный отъ потери крови.

Затѣмъ, послѣ продолжительнаго нашего молчанія, я рѣшился спросить

князя, бываетъ ли у нихъ Б—въ, но князь мнѣ передалъ, что онъ уѣхалъ за границу.

Прошло года два, губернаторомъ у насъ, за смертью князя Г—на, было уже другое лицо. Б—въ, которому общество никогда не симпатизировало, оставилъ на всегда нашу губернію и, переселившись въ Петербургъ,— открылъ тамъ игорный домъ, въ которомъ и умеръ скоропостижно во время азартной игры за картами, оставивъ состояніе своей фавориткѣ, хорошенькой блондинкѣ, дочери бѣднаго чиновника, которую онъ взялъ къ себѣ въ домъ съ четырнадцати-лѣтняго возраста.

В. А. Шомпулевъ.